

84(2=4112)
Г531

Н. ПЛЕБОН

КАРА-БАДРЧЫК

ГОРНО-АЛТАЙСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1948г.

70772

63897

DEPARTMENT OF THE ARMY
LIBRARY

EMERGENCY

15

Жара-Баарчык

(скворец)

Опечатки

Страница	Строки		Напечатано	Следует читать
	Сверху	Снизу		
6	—	12	турист	труист
7	8	—	опустела	опустка
20	—	8	в щечку	в щеке
21	20	—	пробурчала	пробурчала
24	—	18	льется слезы	льются слезы
24	4	—	порвал	порвал
27	8	—	окавал од	окавал он
44	—	4	месте	месте
54	—	13	отрипывалась	отрипывалась

Г 53

Н. ГЛЕБОВ

Кара - Баарчык

(скворец)

ПОВЕСТЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ
ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

79492

49

Горно-Алтайской области
• БИБЛИОТЕКА •

ГОРНО-АЛТАЙСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Горно-Алтайск · 1948

84(2=112)

7531

ГЛАВА I

Из Акуя Евстигней Тихонович выехал не рано. Стояла жара. В горячем воздухе было видно как трепетало марево и казалось все живущее на земле попрягалось в тень. Поникли и травы, только яркие огнецветы, раскинув свои желтые лепестки, как бы радовались полящему зною июльского солнца. Тишина. Изнемогая от жары, Зотников откинулся в глубь тарантаса и задремал. Не заметил как проехал небольшое казахское село Турату и стал подыматься на перевал. Вдруг лошадь остановилась и беспокойно запряла ушами. Евстигней проснулся и лениво подстегнул коня.

—Н-во-о!

Лошадь не двигалась.

—Что за оказия?—Зотников вылез из тарантаса и остолбенел. На дороге лежал труп женщины, судя по лицу, алтайки. Возле нее сидел мальчик лет десяти, похожий на высохший скелет. Охватив тонкими, как плеть, руками голые колени, он плакал беззвучно. По его лицу, оставляя грязный след, катились крупные слезы. Зотников шагнул к женщине.

—Должно с голодухи померла калмычка. Мрут они нынче как мухи,—и перекрестившись, он оттащил мертвое тело в сторону от дороги.

—Как же с парнишком быть? Оставить здесь, пропздёт, ехать обратно в Турату, далеко,—я приняв видимо какое-то решение, Евстигней обратился к мальчику на алтаиском языке:

—Как тебя звать?

—Кара Базрчык,—чуть слышно ответил тот.

—Да ты, друг, на скворца-то не похож, а скорее на полудохлого котёнка,—улыбнувшись своей остротой, Зотников помог ему подняться на ноги и усадил в тарантас.

—А мама?—полные слез глаза наденныша уставились на траву, скрывающую тело женщины.

—Какую твою мамашу, померла,—и тронув кося возжми, он стал медленно опускаться с перевала. В сумерках проехал долину Яконура и миновав айылы, стал приближаться к Чарышу.

Займка Зотникова была расположена вдалеке от Яргола на берегу реки. Кругом стояли нетронутые леса, таежная

глухомань. Выше по ущелью виднелись белки—район вечной мерзлоты. За ними шла Бухтарма и, сползая ледниками, терялась в предгорьях южного Казахстана. Появился Зотников в этих местах лет десять тому назад. Мелкий торговец, он случайно забрел на заимку богатого старообрядца Кузьмы Ошлыкова, и к удивлению соседних зимщиков осторожный к людям Кузьма выдал за него единственную дочь. Вскоре Ошлыков умер. Евстигней стал обладателем большого крестового дома с надворными постройками, марзльвика и двух пасек. В наследство от тестя ему досталась огромная отара овец, что паслась за Кырлыком, коровы и десятка три лошадей. Трезвый и расчетливый торговец умело повел хозяйство, и к началу 1914 года он владел землей Верхнего Ануя и подбирался к богатым пастбищам Мендур-Сокона и Кырлыка. И чем больше богател, тем сильнее была страсть к наживе и черствела душа к людям, скрытый по натуре, хитрый и злой как хорек, он вскоре изучил алтайский язык и завел дружбу с Майжи Кульджиновым, Теньгинским старшаной, владельцем богатых пастбищ от Онгудая до Шаверты. Но особую дружбу питал он к кривому Яжизю, чья стада свец бродили в предгорьях Килея и косяки лошадей, не зная узды, тебеневали в плодородных долинах Меряя. Яжизя приезжал на заимку Зотникова обычно ночью и, хозяин, завершись с ним в маленькой горнице, при свете ночника долго беседовал с гостем о чем-то. Иногда, перед утром, они выезжали вместе, и обычно Евстигней возвращался из своей поездки с Яжизем дня через три усталый, но довольный.

В одну из своих таинственных поездок в Авуи, где он встретился с Яжизем, Евстигней и нашел Кара-Баарчыка на переломе.

Подъехав к дому, Зотников долго стучал в тяжелые, окоченные жестью ворота, которые на ночь закрывались на замок. На стук вышел работник Прокопий. Евстигней разразился руганью:

— Сонная тетеря, стучу, стучу, как ровно пропали. Открывай!

Прокопий распахнул ворота и пошел вслед за гравтасом.

— Распряги коня, поставь на выстойку, позыми в коробке калмыченка, унеси к себе в избу, а утром приведешь в дом,—сказал он угрюмо и стал подниматься на крыльцо. —Только гляди, как бы не улежал,—крикнул он работнику и закрыл за собой дверь.

Проколий бережно поднял мальчика на рука, который доверчиво обхватив шею, склонил головку на его плечо.

— Ишь сердечный, умаялся за дорогу, — положив найденыша на лавку, он зажжет огонь.

— Мать, а мать, — потряс он за плечо спящую женщину, — вставай, бог еще сына дал.

Степанида, жена Проколия, поднялась с постели и пошла к лавке.

— Чей это?

— Кто его знает, хозяин привез, а где взял, не знаю. Утром велел к себе привести.

Женщина участливо посмотрела на спящего мальчика.

— А какой он худой, кожа да кости. Покорить его, Проня, что ли? — Обратилась она к мужу.

— Пускай спит. Тревожить не надо. Утром покормим, — ответил тот и дунул на огонь.

— Мам, а мам, кого это тятя привнес? — послышался с полостей полусонный голос мальчика.

— Телечка. Пестреиз отелвилась, — отвечала Степанида в зевнув, сказала: — спи, Яшенька, скоро утро.

— А-а, я думал... и не закончив то, что хотел сказать, он свернулся клубком под отцовским армяком.

Карз Баарчык спал крепко. Когда яркое солнце брызнуло лучами в окно, он проснулся и с удивлением посмотрел на сидящего рядом с ним белокурого мальчика.

Наступило молчание. Янька с нескрываемым любопытством смотрел на незнакомца.

Найденыш отвернулся к стене и стал колувать пальцем мох в пазу. Первым заговорил Янька.

— А у меня свистулька есть, — подвинувшись ближе, он продолжал: — Тятя в Уладе купил, вот она, — вынув из кармана глиняную игрушку, он поднес ее ко рту. В избе раздалась мягкая трель свистка. — Что, хорошо? Хочешь по-свистеть?

Найденыш медленно повернул голову от стены и как бы закрыв лицо рукой, посмотрел через растопыренные пальцы на русского мальчика.

— Хочешь по-свистеть? — Повторил тот свой вопрос и сунул ему игрушку.

Кара-Баарчык неуверенно поднес ее к губам и свистнул, в тот же миг его лицо расплылось в улыбку.

— А ты не так, ты вот как, — надутья щеки, Янька произвательно засвистел. — На, поиграй, пока мамы нет. Она шабко не любит когда в избе свистят, на огразу гонят, — зстарзторвал он. — А тебя как звать? — И не дождавсь ответа, про-

должал:— А меня Яшкой, а тятю Прокопий Иванович, маму Степанидой, а собаченка Тарзаном. Да вот он и сам.

Из под кровати вылез серый, похожий на волченка, щенок. Усевшись на задние ноги, он умильно посмотрел на молодого хозяина.

— Знаешь какой штуке тятя его научил? Хочешь, покажу?— И недожидаясь согласия нового товарища, Янька состроил сердитую рожицу и, подражая отцу, крикнул:— Тарзанкой Евстигней идет!— щенок вскочил на ноги и, поджав хвост, стремительно кивулся под кровать. Янька захохотал.— Видел? Тарзанко боится хозяина. Он его два раза лупил, первый раз за то, что молоко лакал, второй за то, что цыпленка съел. Теперь и турист. Он и Степан боится. Степан то хозяйский сын, такая запоза, всегда первый в драку лезет, а я его не боюсь. На днях привезал он к Тарзанкиному хвосту банку, ну и ошалел собаченок, давай бегать по двору. Едва поймал, а тут Степан подбежал. Я его кулаком, вот так— и размахнувшись, Янька чуть не сшиб с лавки нового приятеля.

— Поидем на двор, я тебе покажу воробьишка в гнезде, — взяв за руку Кара Базрчыка, Янька вышел с ним на двор.

— А а, уже подружались? Вот и хорошо. Прокопий ласково похлопал рукой по спине найденшица.— Теперь вас будет двое, Степане туго придется, — улыбнулся он.

— Тятя, а тятя, почему мальчик все время молчит?— обозгнулся Янька к отцу.

— Да потому, что не понимает твоего языка.

— Вот не догадался, — хлопнул себя по коленке Янька — я уже подумал, что он немой.

— Сам ты немой, — усмехнулся Прокопий, обратившись к найденшицу, спросил по-алтайски:— Как тебя зовут?

— Кара Базрчык.

— Он говорит, что его скворцом зовут, — сказал отец сыну.

Янька свистнул:

— Вот так здорово, скворец.

— Чей ты?— продолжал расспрашивать Прокопий.

— Не знаю, — найденшиц овустил голову.

— Кто твой отец?

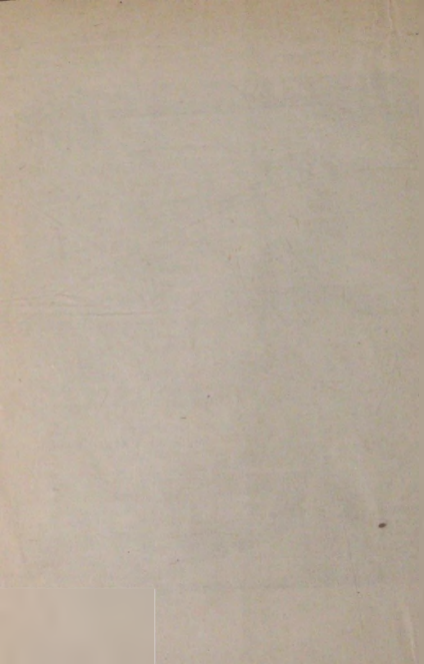
— Был пастух Яжняй.

— У кривого Яжняй?— спросил с изумлением работник. — Это не твоего отца он убил в прошлом году?

Мальчик прошептал едва слышно:

— Не знаю. Только нас с матерью Яжняй выгнал из айыла и мы с ней жили одна в лесу.

Прокопий с жалостью посмотрел на мальчика и вздохнул. Он вспомнил случай с неизвестным пастухом Яжная, который, защищаясь от вобоев хозяина, ударил его палкой и за это был убит. Дело замыли и Яжная оказался безизвинным.

— Родные у тебя есть?

— Не знаю. Только мать мне говорила, что у меня есть бабушка и живет он в верховьях Коргона.

— Это где камнеломня?

— Не знаю, — покачал головой мальчик.

— Эй! — раздался с крыльца зычный голос Зотникова. — Прокопий, веди калмыченка.

— Пойдем, хозяин зовет, — взяв за руку Кара-Баарчыка, работник повел его к дому Зотникова. — Да ты не бойся, — сказал он ему, видя, что найденыш упирается, — в обиду тебя не дам, — успокоил его Прокопий.

В это время семья Зотникова сидела за чаем.

— Привел? — спросил отрывисто Евстигней.

— Со мной, — и усадив Кара-Баарчыка на край скамейки, он погладил его по головке.

Из за самовара выглянуло злое лицо хозяйки.

— На какой ты грех его подобрал, — сказала она укоризненно мужу, — мало их нищих шляется по дорогам, так тащи всех в дом.

Евстигней поставил недопитое блюдо на стол и провел рукой по окладистой бороде.

— Да парнишка не завидный, шкелетина. Может поправится. Прокопию помощник будет, или отправить его на маральник? — Глаза Евстигнея вопрошательно посмотрели на жену.

— Куда хочешь девай, а в дом не пушу.

Зотников почесал отвислый живот и отвел глаза от жены.

— Евстигней Тихонович, отдайте мальчика мне, — Прокопий поднялся с лавки, — куда ему теперь, ни отца, ни матери, пропадать что ли? — взглянув ласково на найденыша, он продолжал: — дитя не разумное, пускай живет у меня, не обьест.

Хозяин крикнул и отпустил глаза на стол.

— Пускай берет, — хозяйка махнула рукой, — только на счет пропитания, на нас чтобы не надеется.

Кара-Баарчык, оглядывая просторную избу, сидел тихо. Его удивили на стенах и потолке невидимые цветы и птицы, нарисованные очевидно проезжим маляром. Наглядевшись на них, он перевел глаза на зотниковскую семью и увидел мальчика, который укрдкой показывал ему язык.

Кара-Баарчык отвернулся к стене. Вскоре он почувствовал, что кто-то его больно ущипнул и увидел стоявшего возле себя Степанка. Закрыв найденыша спиной от Прокопия, он ущипнул его еще раз и показал кулак.

Точно загнанный зверек, Кара Баарчык прижался в угол стены, не спуская глаз со своего мучителя. Степанко дотянулся рукой до его жестких волос и больно дернул. Найденыш задалкал. Прокопий обернулся и оттолкнул Степанка.

— Зачем обижаешь?

— А тебе жалко?— вызывающе спросил тот.— Да ведь он же калмычонок.

— Что же, такой же человек как и ты,— ответил ему спокойно Прокопий.

Следившая за столом Варвара, жена Зотвникова, всплеснула руками.

— Господи, да ты, Проня, совсем сума сошел, вышел с кем сравнивать хозяйское дите. Степанко-то ведь крещеный. Э это что? Имя даже человеческого не имеет. Ты погляди на него, выходя из-за стола, показала она пальцем на Кара-Баарчыка,— на кого похож? Чистая обезьяна.

— И то правда,— поддакнул жене Евстигней.— Калмык душа не имеет. Ест что попало и пропастивной не брезгует.— И обратившись к Прокопию, сказал:— бери ты его к себе коли хлеба много.

Прокопий повеселел.

— Только вот что,— острозвонил его хозяин,— когда паршивка мне потребуется, не супорствовать, моя находка, значит я ему хозяин, понял?

Прокопий кивнул головой и вышел с Кара-Баарчыком из дома.

ГЛАВА II

В семье зотниковского работника Прокопия Кобякова найденыш нашел все, что ему недоставало в детстве.

Степанка оказалась доброй женщиной и жалела Кара-Баарчыка.

— Сиротка ты моя бесталанная,— глядя его по головке, говорила она. Чувствуя ласку, мальчик доверчиво прижимался к женщине, как бы прося защиты. Верным другом оказался и Янька. Однажды ребята, играя из двора, поймали воробьянка. Степанко предложил привязать его на веревочку и, подбрасывая в воздух птенца, они восылись с ним в перегонку. Слабо трепыхая крыльями, воробьевок то взле-

тал в верх, то летел низко над землей, пытаясь вырваться от своих мучителей. С разинутым ртом, с трудом дыша, он упал недалеко от изгороди. К нему рванулся Тарзан. Отпихнув щенка ногой, Янька бережно поднял птенца и стал раскачивать его в руке. Воробьенок закрыл желтый ободок глаз и казался мертвым.

— Отапустить надо, а то пропадет,—сказал Янька Кара-Баарчыку и передал ему птенца,—Покачай.

Найденныш пустил ему слюну в рот и стал раскачивать. Неожиданно Степанко выбил воробьенка из его рук и схватив, помчался с ним к дому. Ребята за ним. Настагнув его возле крыльца, они уцепились за обидчика.

— Отдай воробьеика!

Степанко с силой сжал его в руке и тот слабо вскринув, вытянул ноги.

— Возьмите!—бросив ребятам мертвого птенца, он поднялся на первую ступеньку крыльца и плюнул на Кара-Баарчыка. Янька кошкой метнулся на хозяйского сына и свалил с ног.

— Не плюйся! Вот тебе, вот тебе,—работая кулаками, он не давал ему подняться с земли.

— Скворец, дай ему пинка, чтобы больше не плевался,—скомандовал он другу. Тот не заставил себя ждать и пнул Степанка ногой.

На шум выскочила Варвара, схватив Кара-Баарчыка за волосы, она взвизгнула:

— Ах ты, бездомник, хозяйского сына бить?—И дернула его за ухо. Бросив Степанка, Янька разбежался как молодой бычек и ударял Варвару головой в живот. Выпучив глаза от изумления, та ахнула и присела на ступеньки крыльца.

— Вот мошенник, вот варьяк, чуть с ног ведь меня не сшиб а, чистый разбойник. Степочка, не плачь, придет отец, мы их варьяков проучим,—подняв на ноги хныкавшего Степанка, Варвара заметела Степаниду:

— Ты своего разбойника правбери к рукам,—крикнула она ей сердито,—да и калмыченку встряску дай, чтоб не пинался.

— А ты что, Варвара Самойловна, окрысилась?—выпрямилась Степанидка.—Ребята на дню могут десять раз податься в помириться, а ты ввязывайся, известно дети,—сказала она мягко.

— Ты меня не учи,—поднявшись на крыльцо, Варвара подбочинилась.—Всяк сверчок, знай свой шесток, покаместь я здесь хозяйка. Не любо, можете убираться на все четыре.

Кормильцы у вас теперь с Пронькой есть. Яшку мошенника с одного ковца деревни пошлешь кошелем трясти, калмыченка с другого, вот вам и хлеб — съязвила она.

Степанида махнула рукой. — И ваш-то хлеб не слаще мирского, вот где он сидит, — показала она на шею. И возвысив голос, крикнула: — По ночам мы чужих лошадей не таврим, по тайге не разбойничаем.

Взрвара ахнула и поспешно закрыла дверь.

— Что не любо? — посмотрев на опустевшее крыльцо, Степанида повернулась в своей избе.

К вечеру вернулся из леса Прокопий. Жена рассказала про ссору с хозяйкой и работник нахмурился.

— Не надо было связываться, осень теперь, куда пойдем? Да и Кара Баарчыка оставлять здесь нельзя, заедят.

— А зачем мы его будем оставлять? Поедет с нами в Тюдралу, перезимуем как-нибудь в старой избе.

— Я не об этом, махнул рукой Прокопий. — Дело в том, что знакомый сотский, сказал мне, будто Евстигней записал Кара-Баарчыка в волостной управе на свое имя. Что ему взбрело в голову, не знаю, но догадываюсь, неспроста затеял это дело Евстигней. Еще в Улале он толковал о чем-то с настоятелем челушимского монастыря и похоже хочет отдать Кара Баарчыка на воспитание к монахам. Ханжа! — Прокопий сплонул.

Дня через два после ссоры женщина, на занемку вернулась Евстигней. Приезжал он обычно ночью. Через час в окно бабушки кто-то постучал. Прокопий вышел и узнал в темноте фигуру хозяина.

— Зайди ко мне сейчас, — хмуро сказал он ему.

Работник направился к дому. В маленькой горенке горел тусклый огонек лампы.

— Сядь, — сказал ему сурово Евстигней Тихонович и помолчав, продолжал, — тут твоя баба развязала язык, на счет таврежки алтайских лошадей, так вот, — приблизив свое лицо к работнику, он прошепел, — если еще раз услышу, сгною вас обоих в остроге. Понял? — Сарсаял он угрожающе. При свете лампы лицо хозяина казалось зеленым. — Кто видел? — пальцы Зотникова впились в плечо работника, — я тебя спрашиваю, кто видел? — злещетал он на ухо Прокопию. — Если кто и видел, так тот спит в сырой земле.

Работник отшатнулся. Он вспомнил отца Кара-Баарчыка, которого убил Яжнай и страшная догадка мелькнула в его голове. „Евстигней узнал, что отец найденыша был свидетелем его преступления и хочет запрягать сына в монастырь, вот почему и записал Кара-Баарчыка на свое имя.“

— Мало ли что болтают, не каждому слуху верь, — сказал примирительно Прокопий.

— То-то, — и довольный хозяин зашагал по комнате. — Еще скажу тебе, что найденыша я записал на свое имя, на днях придет поп.

Заявление Зотиково подкрепило догадку Прокопия и он поднялся со стула.

— А дальше что думаете делать с нам, Евстигией Тихонович?

— Пускай поживет на заимке года два, а там будет видно, — ответил уклончиво тот.

Через неделю, после разговора с хозяином, приехал миссионер отец Дометриан. Это был веселый и бойкий старик.

— Где новоявленная овца? — спросил он Евстигию про найденыша. Прокопий привел мальчика. Кара-Баарчык исподлобья посмотрел на суетившегося попика в длинной рясе и прижался к Прокопию.

— Хочешь креститься? — Дометриан положил свою сухую ручку на голову мальчика. Найденыш не ответил, Кара-Баарчык через три дня после приезда миссионера окрестил и дал ему имя Кирияк.

Наступила зима. Со стороны Усть-Кана подули колодные ветры. Они несли с собой хлопья снега и слякоть. Тайга обнажилась, над заимкой целыми днями висела густая пелена мелкого дождя. Над Чарышем стаями кружились утки и выбрав тихую заводь, неумолчно кричали, собираясь к дальний вуть. По ночам в горах было слышно как кричали козлы и в вышине темного, неласкового неба стройными треугольниками, перекликаясь, летела в темные края усы.

Прокопий вместе с хозяином уехал в Улалу на покровную ярмарку. В больших пригонах, что окружали заимку, редела скотина. Степанида с ребятами едва успевала подвозить корм. Кврик попережнему жил в избе Прокопия и не расставался с Янькой. Работы было много и намавшись за день, ребята охотно забиралась вечером на поляны. Хорошо там. В избе чуть мерцает огонек и при его свете Степанида готовит незатейливый ужин. В углу шабарлат тараканы и, забравшись в щели, поводят длинными усиками. За окном слышно как барабанит дождь и, растекаясь по стеклу, просачивается на подоконник. Через шум дождя, слышно как скребет в дверь Тарзан. Янька слезает с поляны и открывает дверь. Собака отряхивается и, услышав сердитый голос Степаниды, ползет под кровать. Вскоре в

избе Проковья все затихает. Только на полятах слышен шопот Явьки, который рассказывает другу разные небаллицы.

—А ты видел русалку?

—Нет.

—А дед Варфоломейко, что живет в Тюдрале, рассказывал: тело будто у ней на половину как у человека, и половину как у рыбы.

—Правда?—недовольно спрашивал друга Кирик.

—Вот те крест, так рассказывал и видел будто бы своими глазами—иду говорит однажды берегом Чарыша, слышу всплеск, как ровно человек упал в воду. Стал за листвеяницу, смотрю, показалась из воды сначала голова, потом тело и выплыла русалка. Села на камень и так это чудно запела, потом видимо испугалась кого то и бултых в воду.

—Вы скоро уляжитесь там спать?—Спрашивала сонным голосом Степанида.

Ребята затихли, прислушиваясь к беготне тараканов, начали дремать.

—А ты домового видел?—неунымаемо Явька. В ответ слышался легкий хрип и сопение Кирика.

—Спит,—недовольный рассказчик поворачивался к другу спиной и засыпал.

В один из осенних дней, встретив работницу на дворе Варвара сказала ей:

—Пошли ко мне калмыченка. Кота надо в подполье водить, а Степанко боится. Кот-то шальной, из подполья вылезает, в амбар его надо запереть, мышь там завелась.

Кирик пришел. Барвара хлопотала возле печки и вкусный запах свежеспеченного хлеба наполнил просторную избу. Проглотив слюну, найтеньш уселся возле порога. Хотя он и не был голоден, но вид румяных шанег на столе возбуждал в нем желание покушать.

—Чего уставился на стол? Не для тебя стряпала.—Заметила сердито хозяйка и открыла подполье.—Лезь за котом, когда поймаешь, снеси в амбар. Только держи крепче. Дивьяков.

Кирик спускался по шаткой леснице вниз и стал оглядываться. Свет сверху исчез. Варвара закрыла заднюю. Кот не было видно. Только в дальнем углу, немигая смотрел на него чьи-то зеленые глаза. Кирику стало жутко. Поборов страх, он пополз на четвереньках в угол. Глаза мелькали в другом углу. Ползая по сырому подполью, найденыш весь выдачкался в грязи и продолжал поиски неуловимого кота. Сверху мелькнула полоска света и сердитый голос хозяйки спросил:

—Скоро ты там?

—Сейчас, — ответил Кирик и осторожно полоз по направлению, ярко горевших глаз в углу.

Кот был близко. Мальчик протянул руку, которая уперлась на заваленку, зеленые глаза замелькали в разных местах. Кот заметался. Кара-Баарчыку казалось, что здесь десятки кошек, мелькавших то здесь, то там.

—Скоро? — слышалось сверху.

—Поймать не могу, — ответил Кирик.

—Ну и сиди вместе с котом, — засмеялась злорадво Варвара и залхнула западью.

Кот уселся на прежнее место и не спускал с Кирика фосфоресцирующих глаз. Прошло минуты три. Мальчик на пипочках стал подбираться к нему и, загнувшись о что-то, упал. Испуганный кот прыгнул через Кирика, но тот успел его схватить на лету и, навалившись туловищем, прижал его к земле. Отчаянно мяукая, кот пытался вырваться и укусил Кирика за руку. Найденыш стукнул его кулаком по голове, кот присмирел.

—Откройте!

Яркий луч света проник в подполье. Кирик зажмурил глаза. Через минуту, весь исцарапанный, он вылез со своей обичей и спросил Варвару:

—В который амбар весты?

—В средний, где ишеница, — ответила та.

Кирик вышел с котом на двор.

Не далеко от дверей амбара сидел на цепи большой пес. epäдоверевая опасности. Кирик смело стал подходить к собаке, кот метнулся из его рук и набросился на собаку. Загремела цепь и все смешалось в сплошной клубок дегушился тел.

На крыльцо выскочила Варвара. Схватив черенк от метлы, она помчалась к месту схватки. Увидев хозяйку с палкой, пес виновато вильнул хвостом, кот шмыгнул под амбар.

Всю свою ярость Варвара обрушила на Кирика.

—Кошку с собакой сраплять? Вот тебе, вот тебе — На пипу найденыша посыпались удары.

—Не трави кошек собаками, — стукнув его еще раз, Варвара отбросила черенок в сторону.

Из избы выскочил Стеданида, точно птица, увидавшая еду в когнях коршуна. она понеслась к Кирику. Схватив на ходу брошенную палку и, здыхаясь от гнева, занесла её над головой хозяйки.

—Рбенка биты! Малышэ, да есь ля у тебя совесть? —

Отбросив паяку, она прижала плачущего Киряка к груди.

— Отольются тебе детские слезы, — и, готовясь расплакаться, Степанида повела его в избу.

В полдень мальчику стало плохо. Начинался жар. Киррик бредил:

— Мама, больно. Смотри идет страшный кот. — Мальчик вскочил на ноги. — Он укусит! Темно. Мама! — Задыхаясь от душивших ее слез, Степанида прижила горячее тело младенца к себе и твердила ласково:

— Не бойся. Я с тобой.

— Ты моя мама?

— Твоя, Киряк, твоя, — и не выдержав, Степанида заплакала. — Сиротинушка ты моя, горемычная.

Чувствуя ласку, Киррик затихал. Глядя на плачущую мать и избитого друга, Янька заревел на всю избу.

— Я пойду с Варварой подерусь, — всхлипывал он. — За чем она Киряка обижает.

Через несколько дней привехал Прокопий с хозяином. Узнав про случай с Киряком, он пошел к хозяину.

— Зачем избил Киряка? — не снимая шапки, спросил он Варвару.

— А тебе какое дело? — подбочинилась та. — У меня есть хозяин, ему и ответ дам. — Зачастила она. — Ишь какой учитель нашелся. Проваливай из дома.

— И то, Прокопий, уходи лучше. У меня рука тяжелая, не ровен час, свистишу по уху и будешь знать как мою же ну учить. — Евстигней грузво шагнул к работнику. — Ну!

— Не нукай, я тебе не лошадь, — ответил спокойно Прокопий и смело посмотрел на хозяина. — Расчет подай: хватят за тебя спишу гнуть.

— Эко, удивил. Да вашего брата голоштанников разве лось как комарья на болоте.

— А по чьей вине эти голоштанники развелись?

— А по твоему по чьей?

— По вашей, — бросил ему коротко Прокопий.

— То есть как это понять? — глаза Зотанкова сузились.

— Очень просто. Грабите бедноту вот и все.

Льдо Евстигней вобагровело.

— Да за такие речи тебя в тюрьму можно запрятать.

— Не знаю кто из нас скорее сядет, то ли я, то ли ты. — Жнайка

— Прокопий! Еще слово и я тебя выброшу с крыльца.

— Руки короткие, — поправив пояс, работник засучил рукава.

—Варяк, — одушевились на лавку. Евстигней махнул Варяке рукой.

—Уведи ты его ряды бога, опираясь на стол и стены, точно пьяный, он зашагал в горницу.

Сборы работника были коротки. Утром чуть свет он сходил в Тюдралу на лошадь и вернулся к обеду. Сложив имущество на телегу, Прокопий усадил Степаниду и ребят и тронул коня. Возле ворот его встретил Зотников.

—Стои! Куда Кирьку повез? — схватил лошадь под уздцы. Евстигней со злобой посмотрел на бывшего работника.

—Пусть кова, — сказал ему спокойно Прокопий.

—Ссаживай калмычек! — крикнул тот.

—Я тебе говорю, отпусти, — в голосе работника прозвучала недобрая нотка. — Когда парнишко слезет, тогда и отпусти.

Сжав плотно губы, Прокопий стегнул коня. Лошадь рванула и отброшенный отлобей, Зотников упал.

—Разбойник! Варяк! — В бессильной злобе потряс кулаком Евстигней вслед скрывшейся за поворотом телеги.

ГЛАВА III

В волостном правлении, куда приехал Зотников с жалобой на своего работника, ему заявляли, что судить Прокопая Кобяконя теперь они не могут.

Зотников в недоумении уставился на старшину: — Почему?

Теперь он солдат русской армии и на днях отправляем его в Бийск к войсковому начальнику. Помолчав, старшина наклонился к уху богатого зямщика и прикрыв рот рукой, шепнул: Воиwa говорят с Германией. Живем мы с тобой, Евстигней Тихонович, в лесу, молимся вию и ничего не знаем. Только ты тово, помалкивай пока. Бумага есть насчет мобилизации, а куда солдат погонят, не знаю. Насчет калмычек не сомвеляйся, отберем.

С тех пор как Прокопий взял в солдаты, прошло около двух недель. Степанида осталась с двумя ребятами в старой отцовской избе, что стояла на въезде из Тюдралы. Хлеба не было. Вышла и картошка. Семья перебивалась как попало. А тут как на зло начались бураны и Янька с Кирьком по вечерам жались друг к другу на холодной печке. По ночам в деревне выла собака в, услышав их голос, Тарзан скулил у порога. За осень и лето он превратился в большую умную собаку. Широкогрудый, с нависшим надлобьем, развитыми челюстями, на которых видне-

лись острые клыки. своим видом он напоминал матерого стенового волка.

В один из зимних дней к избушке Степановны подкатывал запряженная в кошовку пара лошадей. На облудке сидел рослый, свирепого вида мужчина. Это был новый работник Зотьякова, по прозвищу Ваня Чугунный. Соскочив, он помог хозяину выйти из кошовки и почтительно сиделся перед урядником, приехавшим в Тюдралу вместе с Евстигнеем.

Зотьяков неспеша вошел в избу, откинув световой воротник тулупа и, сняв шапку, перекрестился.

- К тебе, хозяйшкa, приехали, в гости, — сказал он приятно ласковым голосом. — Что то плохо встречаешь нас с господином урядником, даже сестра не предложила, — разглаживая окладчатую бороду, Евстигней усмехнулся. — Должно не любви гости-то? Ничего, им и без приглашения посидим, не спешивые, опустившись на лавку рядом с полицейским. Евстигней оглядел голые, промерзшие стены избы и уставил ястребиные глаза на ребят, сидевших в углу на печке.

При виде непрошенных гостей у Степановны забыло сердце.

- За приемышем однако приехал, — пронеслось у ней в голове. Наступило продолжительное молчание.

— Одевай Кирьку! — резко сказал Зотьяков и со злобой посмотрел на Степановну.

Услышав свое имя, надевший прижался к Явке.

— Оглохла что ли? — грубо спросил её Евстигней. — Господин урядник, — повернулся он к своему слуге, — прошу воздействовать.

Тот крикнул и поправил португезю шапку, — слышала, хозяйшкa? — уставив свои белесые глаза на Степановну, он продолжал: — Одевай параванку. Сей калмыченок, — указательный палец полицейского уставился на Кирьку, — приписан к Евстигнееву Тихоновичу, а по сему, прошу не чинить препятствий к его изъезду.

Степановна подошла к печке. — Киря, одевайся, поедешь на зимку, где мы жили раньше, — сказала она тихо.

— Я не пое-ду, послышался плачущий голос мальчика.

Женщина протянула руку на печь и опустила на его голову.

— Собирайся, милый.

— Не пое-ду, я не хо-чу на зимку, — всхлипнул надевший.

Урядчик поднялся со скамьи и занес ногу на овечку.

В избе послышалось грозное рычание и, вздыбив шерсть, Тарзан вылез из под кровати.

Испуганный блюститель порядка, поспешно забрался на печь и подобрал под себя ноги.

Собака продолжала рычать.

— Уими тигру, — крикнул Степаниде Зотняков и с опаской посмотрел на Тарзана.

Женщина оттащила собаку от печки и вытолкнула за дверь. Одев Кирика, она усадила его возле себя на лавке. Слез и Яныка. Пробираясь боком мимо Зотнякова, он доказал ему язык.

— Бээ — заблеял он по-овечьи и, усевшись возле друга, сердито посмотрел на богатого Зотникова.

— Кирик все равно убежит, — тряхнул он головой, — а Степку мы изобьем.

— Ну чистый варнак растет, весь в отце, — подвываясь с лавки, сказал Зотняков уряднику.

— Яблоко от яблони не далеко падает, — ухмыльнулся тот. — Одного поля ягода.

Зотняков взял Кирика за руку.

— Пондем.

Степанида поцеловала найденыша и повернулась к бывшему хозяину.

— Если хоть пальцам тронете, худо будет.

— Не страшай, не из пугливых. — Открыв дверь, Евстигней с урядником, подхватив плачущего Кирика, вышли из избы. Пара лошадей взяла на крупную рысь и исчезла из вида.

Кара Базрчыка поместили в избе Иван Чугунного, где жил когда-то Прокопий.

Это был угрюмый, неразговорчивый мужик. Семья у него не было. Прощлое Чугунного было темное, шла молва, что в Сибирь он попал за убийство, бежал саторги и, скрываясь в горах, наткнулся на Зотникова. Что заставило взять Евстигнея к себе на зимку беспаспортного бродягу, осталось тайной обоим. К Кирику Чугунный отнесся недружелюбно и мальчик его побаивался. Иногда работник приходил от Евстигнея пьяный и, растянувшись на кровати, где единственной подстилкой была солома, хрюкал на всю избу.

Кара Базрчыку было страшно. За окном вела метель, согревая только постройку и забившись в угол полостей, найденка моржал от страха. Среди ночи Иван пресмыкался, зажавшись под лавку и, нашарив в полутьме недопитую бутылку, жадно припал к ее горлышку. Выпив содержимое, он

з Кара-Базрчык.

бросал посуду на пол и нетвердыми шагами бродил из угла в угол.

— Кирка!

Мальчик сидел не шевелясь. Волосатая рука Чугунного тянулась на полатах и, схватив испуганного найденыша, он стаскивал его на пол.

— Эх ты, воробей не стреляный — Боишься? — не спуская с него тяжелого взгляда, продолжал. — На Лебедь реку бы нам с тобой, Кирка, а? Золота там хоть лопатой гребя, леса не хоженные, птица, зверь недуганные, или винокурию в тайге открыть? — Дыша водочным перегаром в лицо Кирки, Чугунный шептал: — Чикнуть бы вожиком старателя с золотишком, кто увидит, а? Или подкараулить Улалинского купца с ярмарки, да обушком по голове, а? — полубезумные глаза Ивая сверкали точно горячие угли. Кирка, взрывшись из его цепких рук, метнулся на полатах.

Утром хмурый работник говорил найденышу:

— Что я пьяный ночью болтал, никому ни слова, а то, — подняв увесистый кулак, Чугунный шипел: — убью!

Однажды Варвара послала Кирка за водой. Взяв тяжелую деревянную бадюку, он спустился с кругого берега к Чарышу и, зачерпнув воды, стал подниматься по вырубленным ступенькам. Поставляя на каждом шагу бадюку с водой, Кирка подскользнулся и упал. Ведро загремело, покатилось вниз и ударившись о камень, разлетелась на части. Мальчик собрал ободья, сложил доломанную дужку и стуча зубами от холода, направился к дому.

На крыльце встретила хозяйка.

— Где ведро?

— Разбилось.

Схватив палку, Варвара ударила Кирка по голове.

— Хозяйское добро портить! Вот тебе, — удар за ударом сыпался на мальчика и расхирепевшая женщина столкнула его с крыльца. Падая Кирка ударился виском о перила лестницы и очнулся только в избе Чугунного. Ивай сидел у окна и ковырял шилом хомут.

— Очнулся. Так тебе и надо, — сказал он злобно.

Кирка попросил воды.

— Нищие лакеев не имеют, возьми сам.

Превозмогая боль, найденыш поднялся с соломенной подстилки и, опираясь ослабевшими руками о стены, подошел к ведру.

На третий день ему стало легче. В избе никого не было. Кирка подышал на окно, где мороз вывел причудли-

вые узоры и увидел на дворе несколько кошевок и лошадей с наброшенными поповами. Скрикнула дверь, вошел Иван.

— Хозяин имениник, елку для гостей устривает. Вечером приходи смотреть, — сказал он снисходительно.

И как только в доме Зотниковов зажглись огни, Кирик, одев рваные лимешки и, накинув наспех шубенку, направился к Евстигнею.

Переступив порог, он остановился изумленный. В середине большой комнаты, увешанная разноцветными ягрушками, вся в огнях сверкала елка. Вокруг нее, взявшись за руки, кружились нарядно одетые дети.

Наиденюш затая дыхание, не мог оторвать взгляда от невиданного зрелища. У самого основания стоял в белом тулупе и такой же шапке, опираясь на палку, длинноротый старик. В одной руке он держал корзинку, из которой выглядывала чудесная лошадка. С ее гордой шеи спускалась черная грива и бисерные глаза деревянного коня горели при свете елочных свечей. На лошадке была узда и лакированное седло, настоящее седло с серебряными стремями, с подфеей. Белый старик безучастно смотрел на веселящихся детей и стоял неподвижно.

Точно очарованный, Кирик не спускал глаз с елочного деда с ювом.

— Калмыченюк пришел! — прозвучал голос Степанка. Наиденюш съезжился точно от удара. Шумная толпа ребят окружила Кирика.

— Калмыченюк! — Татарчюнок! — кто-то дернул Кара-Бварчюка за рукав, сбился шапку и с криком: куча мала, ребята навалились на Кирика. Из соседней комнаты вышла пышно разодетая женщина, за ней семеня на своих коротких ногах писарь.

— Дети, нельзя! — сказала она важно и уплыла обратно.

Бросив Кирика, ребята с шумом окружили елку. Пьяный писарь водсел к одинокому мальчику. Молча пошаря в карманах и, вытаскив осторожно яркую обложку пустой конфетки, подал Кирику.

— Кушайте, — сказал он ехидно.

Наиденюш доверчиво развернул бумажку и в недоумении посмотрел на зотниковского гостя. Писарь залился дробным смехом, хлопнул по плечу озадаченного мальчика и, сощурив глаза, спросил:

— Ну как, вкусная? Может еще дать?

Наиденюш отошел от него и прислонился к печке. Его маленькое сердце наполнялось обидой на этих сытых, нарядно одетых детей, на пьяного писаря и, вздохнув, он вы-

шел из дома. Сдушившись с крыльца, Кирик неожиданно столкнулся с Янькой, который нес какой-то узелок под мышкой. Возле него вертелся Тарзан, вытяясь, лязнуть Кара-Баарчыка в лицо.

—Тебе мама гостинцев послала, пошла в избу.

Раздеввшись, ребята забрались на полати.

—Вот шаньга. Ешь.—Развязав узелок, Янька подал Кирику хлеб.—Да, постой, я их согрею в печку, мерзлые они. Еще тебе мама послала леденцов, пока хлеб оттаивает ты их пососи,—посоветовал он другу.—А это от меня,—развернув бережно бумагу, он подал Кирику деревянную лошадку.—Мама купила в лавке.

Правда конь был хуже, чем тот, которого видел Кирик на елке, вместо черной волосянной гривы свисала мочалка и не было седла, но зато это был настоящий конь на деревянных колесиках и хвост держал трубой.

Кирик осторожно покатав коня по полатнице. Колесики закрипели. Теперь у него был свой конь. Ну и молодец же этот Янька.

Наигравшись, ребята улеглись спать.

—От тяти письмо с фронта пришло. Его немцы ранили в ногу, лежал в госпитале. Пишет, что вога эжила и опять отправляют из фронт. Еще пишет, что за храбрость крест Егория дали. Велел тебе поклон передать. Он думает, что ты с нами живешь. И Янька прогостил у Кирика два дня и ушел домой.

—Мама велела тебе сказать, что если Варвара с Евстигнеем будут лютовать, то ты иди к нам,—сказал ся ему на прощанье.

ГЛАВА IV

Прошел буранный январь. Заняку Зотьякова занесло сугробами снега, перемело дороги и тропы и редкий человек заглядывал сюда. Кирик помогал Чугунному управляться со скотом, чистил конюшня, пригоны и усталый за день забирался в теплый угол полатей, где, прикрытый лохмотьями одежды, лежал игрушечный конь. Мальчик гладил его по спине, пускал по наклонной доске полатей и, развеивая мочальной гривой, конь катился на колесиках к довольному хозяину. Кирик дал ему имя „Атаман“ Лошадка была единственной его отродой.

Однзжды, играя конем, он оставил его на подоконнике и сам ушел к Чугунному, который чистил пригон. Вернувшись через час в избу, он нашел „Атамана“, вернее его от-

дельные части из полу. Шея коня была сломана, голова влялась под лавкой, одна нога была вывихнута и вместо копыта торчала клочки плохо склеенной бумаги, мочальный хвост „Атамана“ ваялся тут же на подоконнике весь в мокре. Колесики, на которых так быстро бежал конь ваялись под лавкой и, собрав остаток игрушки, Кирик залякал. Ему стало жаль „Атамана“, с которым у него было связано многое: дружба с Язькой и радостные минуты игры.

— Чего разревелся? — спросил его грубо вошедший Иван.

— Атамана кто то сломал, — ответил сквозь слезы Кирик.

— Эка беда, был Атаман, да слыл, из расстоюку его теперь, — захватив части игрушки, Чугунный бросил в печку.

— Знаю кто твоего коня покалечил.

— Кто?

— Степанко. Забегал сейчас ко мне в пригон и хвастался, что сломил у тебя игрушку.

В голове Кирика созрел план мести.

Вечером он вышел из избы и, заметив дым из трубы дома Зотникова, с решительным видом поднялся на крыльцо.

Дверь открыла Варвара.

— Степанко дома?

— Дома. На что тебе?

— Мне тетинька только на его лошадку посмотреть.

— Нашел время, — пробунчала Варвара и пропустила мальчика мимо себя.

Степанко сидел за столом вместе с отцом.

— Можно твою лошадку посмотреть? — равнодушным голосом спросил Кирик.

— В горнице стоит в углу, — ответил, ничего не подозревавший, Степанко.

Кирик вошел во вторую комнату и взял на руки блестящего коня, которого он видел первый раз на ёлке.

Повернулся и остановившись на шаг возле пылающей жаром печки, бросил коня в огонь.

В избе раздался отчаянный рёв Степанка. Выскочив из-за стола, Евстигней схватил Кара-Баарчыка за шиворот.

— Ты что наделал, варнак?! — Зотников стукнул его лбом об пол и поволок из дому. Раскачав Кирика, он бросил его с высокого крыльца. Мальчика спас глубокий снег. Выбравшись из сугроба, он что есть духу помчался за ворота и, утопая в рыхлом снегу, побежал в лес. Зотников спустил с цепи собаку. Услышав ее лай, найденный понял какая ему грозит опасность и круто повернул к Чарышу. Скатившись кубарем с крутого берега, он перебежал по широкой доске речную протоку и, когда собака была уже близко, он пос-

пешью дернул доску к себе. Злобно рыча, пёс зметался в толь берега. Кирик не спускал с него глаз. Течение было здесь быстрое, и собака не решалась броситься в реку. Со стороны займки послышался голос Зотникова, вскоре показался он и сам. Следом за ним шел Чугунный.

—Скорее бежать,—Кирик домчался к противоположному берегу, где виднелись дрова. Он уже был почти в безопасности, как неожиданно услышал лай собаки. Возбравшись на поленинду, Кара-Баарчык схватил толстый сук и стал ждать.

С разбега собака сделала прыжок на дрова, где был Кирик и скатываясь оглушенная его ударом.

Прошло несколько томительных минут. Было слышно как на том берегу кричали люди. Собака подвела голову и шатаясь побрела обратно.

Не выпуская из рук палки, мальчик слез с дров и углубился в лес. Через час он был в заброшенной избушке дровосеков и, закрыв за собой дверь, повалился на нары.

Утро. Начинался мороз. Кирик шел не останавливаясь, куда и сам не знал.

В полдень наткнулся на лыжный след. Куда он вел, для него оставалось загадкой. Изнемогая от усталости, чувствуя голод, Кара-Баарчык выбрал сухое место под лихтой и, прислонившись к стволу, задремал. Мороз крепчал. Открыв отяжелевшие веки, Кирик увидел перед собой небольшую ель, осыпанную изумрудами блестящих снежинок. Где он видел её раньше? В доме Зотникова, в ночь под рождество. Ему казалось, что под елью, стоит и тот добрый дед-мороз, у которого в корзинке была чудесная лошадка. Кирику казалось, что где то недалеко хихикнул этот противный писарь. Полузамерзший мальчик впал в забытие. Очнувшись от прикосновения чьей-то руки.

—Эй, малыш, вставай,—сильные руки поставили его на ноги и, очнувшись, Кирик увидел перед собой незнакомого охотника. Возле него вертелась небольшая собака из породы сибирских лаек.

—Ну счастлив ты, брат. Если бы не собака замерзать бы тебе здесь пришлось. Правда, Мойнок?—обратился он к собаке. Пес ласково вильнул хвостом.

Человек, нашедший Кирика, был охотник по имени Дьалтанбас, белковавший в этом году в верховьях Яргола. Среднего роста, сильный, мускулистый, точно сотканый из жил Дьалтанбас был настоящий таежный крепыш. Широкий овал лица с коричневым загаром, выдающиеся скулы, полное отсутствие растительности на лице, орлиный нос выдавали в нем принадлежность к древнему роду ирkitов.

— Как ты сюда попал?

Найденыш рассказал историю с деревянным конем и про бегство с займки Зотникова.

— Этого богатея я знаю. — Брови охотника сдвинулись. — Он друг кривоного Яжняя и Манжи — двух пауков Теньгинской долины и Усть-Кана. — Наломав сухих веток, Дьалтанбас отоптал снег возле пихты и развел костёр. Скипитив чайник, он подал Кирику кусочек сыра.

— Ешь и ложись спать, а завтра пойдем на наше стойбище в Мендур-Сокон к дедушке Мундусу.

Напившись горячего чая, мальчик прилег к костру. Подложив под голову связку белчих шкурок, растянулся и Дьалтанбас. У ног хозяина дремал Мойнок. Ночью охотник несколько раз подбрасывал хворост в огонь и когда яркое пламя, раскидывая в темноту сотни искр, поднималось вверх, он засыпал чутким сном.

На следующий день Кирик с Дьалтанбасом пришли на стойбище.

— Живого колонка под пихтой нашел, вот он, — молодой охотник подтолкнул мальчика к старику, сидевшему у огня.

— Однако алтайский мальчик, — подслеповатые глаза Мундуса уставились на Кирика. — Чей ты?

Найденыш засмеялся.

— У него, отец, родных вет. Жил он у русского займщика Зотникова, друга Яжняя и Манжи.

— У Евстигнейки? — как бы отвечая на свой вопрос, старик продолжал, — шибко худой человек, черное сердце, худой, — повторил он, — Яжней худой, Манжи худой, ладно, садись к огню — Мундус указал на место рядом с собой.

Оказавшись в знакомой обстановке, Кирик повеселел.

— А мне можно у вас, дедушка, жить?

— Можно, можно, — закивал тот головой, — Сейчас чай будем пить, Дьалтанбас, — обратился он к сыну, — налей парнишку чегеня (ароквашенное молоко) пускай кушает, ишь какой тощий, — старик сочувственно похлопал его рукой по сухим лопаткам, которые торчали из-под рваной шубы.

Вечером в айыл Мундуса собрался народ со всего урочища. Пришел слепой Барамай с внуком, пастух Амыр с сыном Аматым, Дьалакай и горбатый Кичиней.

— Ну как белковал? — спросил Дьалтанбаса маленький с большим горбом на спине Кичиней.

— Ничего, хорошо, — улыбаясь ответил охотник, — Кара-Баарчыка нашел.

— Это зимой-то? — повернув свое лицо к говорившему,

спросил слепой Барамай, — что-то не лезутся, — покачал он головой.

Дыалтабас позвел Кярыса к старыку.

— Убедись. Кара Баарчык перед тобой.

Барамай, ощупав мальчика, спросил:

— Как тебя зовут?

— Кара-Баарчык, — ответил тот.

— Значит из Алтае скоро песня будет, — сказал он многозначительно.

— Скоро будет весна, — повторят за ним Амыр. — Скоро, — тряхнул уверенно головой.

Мундус поднялся от костра и, взяв топшур (изродный инструмент изодобие думбры), тронул струны. В айыле раздалась песня:

Гусь усталый летит по Катунн влиз,
ниже вершины березы.
Я смотрю на свою невеселую жизнь,
из глаз моих льется слезы.

Отправляются гуся в большой перелет,
крылья у них устали.

В наших айылах злая бедность живет
и глаза мои слезы застлала.

Разве есть у нас на Алтае ирям (омут)
где не села бы гусиная стая?
Разве есть бедник чтобы горбом своим
не работал на хищника бая...

Печально звенели струны топшура и вторя им рыдающим голосом отарый Мундус пел:

... Не найтя у нас па Алтае камней,
на которых не сижывал воров.
Не найти в нашей жизни радостных дней
без вужды и тяжелого горя ..

Певец умолк. В айыле стояла тишина, нарушаемая лишь треском горящих дров. И казалось, дым от костра медленно клубясь, выносил с собой к темному небу отзвуки скорбной песни. Первым прорвал молчание молодой Амаз.

— Шаман из Яконура, Каакаш, велел привести к нему белую кобылицу, а то злой дух Эрлик пошлет на наше урочище несчастье.

Сидевшие у костра люди задремали.

— Мило от нас баранов угнал? — горбатый Кипней вскочил на ноги, — он тӧгунчи — обманщик!

— Где возьмем белую кобылицу?

— Надо просить кривого Яжня, — раздался голос Дылакай.

— Иди, прося на свою шею, с нас хватит, — заговорили все враз.

— Мы и так не можем снять его кабу — сети.

Дылантас вскочил на ноги. Схватив висевший на стенке мылтык (ружьё), крикнул:

— Кто первый пойдет к Яжняю — черному сердцу — тому смерть. Проживем без Каакаша и Яжня. Орус (русский) из Гюдралы мне говорил: скоро ждите табыш (новость), — сказал он примирительно и окинул взглядом людей. — Карз-Базарчык — хороший знак. На Алтае скоро будет весна.

Смутная надежда на светлое будущее поселилась в сердцах простых людей из урочища Мендур-Сокона.

Наступил конец февраля, месяца больших морозов. Нужда железными клещами охватила айылы Мендур-Сокона. Ячменя не было и большие серые паспаки, точно могильные памятники, стояли в углу бедных хижин. Коровы не телились и высохший борбы сморщился как старый опёнок.

В один из таких дней в айыл Мундуса забрел слепой Шрамай. Вынул трубку, поковырял в ней пальцем и со вздохом опустил руки. Табаку не было.

— Внучка Дыайчил — любящая дедо, умерла. Эрдине — драгоценный, лежит в горячке. Чегеня нет, сыра нет, толкая весь вышел, кушать нечего, — сказал он печально.

Из темных впадин глаз старика выкатились слезы. Кряхтя Мундус поднялся от очёка и подошел к полочке. Снял коробку, обштытую темной жостью, и высыпал на ладонь Барамая последнюю щепетку чая. Что еще дать? Посмотрел на закоптелый адыс (решетку) где должен коптиться сыр и, положив руку на плечо слепого, сказал со вздохом:

— Сыра нет. Может Дылантас привесет немного муки за пушнину, тогда дам.

Барамай засунул трубку за голенище и, нащупав дверь, вышел.

Под вечер зашел Дылакай.

— Думаю итти к кривому Яжняю попросить денег. Весной займусь к нему в пастуха.

— Байский рубль, что снежный ком, чем дальше он ка-

тятся с горы, тем больше становится. Возми у меня маленько денег, поправишься с нуждой, отдашь — Нашарив несколько серебряных монет, Мундус передал их пастуху.

— Сходи в Тевьту. Там можно кушить хлеба.

Кирик с восхищением посмотрел на доброго старика. «Всех жалест» — вронеслось у него в голове.

Прошло недели две. Голод, как зловещая птица, день и ночь кружил над айылами Мендур-Сокова. Умерла старая Батай, мать Амата, пластом лежала из овчинах, веселая когда-то. Дылакай в люди мёрля, как мухи.

В начале марта, когда началась оттепель, в урочище прискакал всадник. Судя по богатой одежде и седлу, украшенному серебряными накладками, он принадлежал к знатному роду. Соскочив с коня, он направился к айылу Мундуса. Кирик в это время спал. Дьалтанбас не было. Гостя приветствовал старик.

Опустившись возле оёка, приезжий вынул монгольскую трубку и, затянувшись, передал хозяину.

— Где Дьалтанбас? — после некоторого молчания спросил он резко.

— На охоте, — ответил Мундус.

— А под овчинамв кто спит?

— Мальчик.

— Чей?

Старик замолчал.

— Мой племянник.

Гость быстро вскочил на ноги, подойдя к спящему, сдерживая себя, сел на овчину.

— Ого, этого племянника я видел у Евстигнея Зотникова. Как он сюда попал?

— Дьалтанбас в лесу нател.

— Эй! — приезжий потряс за плечо Кирика — Ну-ка, поднимись.

Мальчик сел. Единственный глаз незнакомца, сверкая злобой, уставился в упор на Кирика.

— Это Кара-Базарчык, приемный Зотникова, — сказал гость и повернулся к Мундусу. — Завтра же доставить его к хозяину, — сказал он повелительно. — Если явится Дьалтанбас, пускай придет ко мне, скажи, что я кривой Яжвай буду ждать его на стоянке в Килее. Он мне кужев.

Пока гость разговаривал с Мундусом, возле айыла собрался нзрод. Заслышав шаги богача, из толпы вышел слепой Барамай.

— Яжвай, я знал твоего отца Камду. Он был добрый пастух.

тук и когда мы были в нужде он делался с нами всем что у него было.

—Дальше?—бросил небрежно Яжнай.

—Твой отец был настоящий алтай кижя (алтайский человек).

—Дальше что?—уже насмешливо спросил Яжнай.

—Ради доброй памяти отца, помоги нам.

Приезжий занес ногу в стремя и смерил взглядом с ног до головы поникшего старика.

—Брось шутки. Яжнай не таков. Пускай заберет вас всех здесь чемет (чахотка) мне наплевать!—вскочив на коня, он ударил его нагайкой.

Барамай повернул незрячие глаза к толпе.

—Кокый коров!—воскликнул он и опустил на землю.

—Кокый-корон,—повторила за ним толпа и горный ветер, подхватив печальные голоса людей из Мендур-Сокона, развеял их в уснувшей долине.

ГЛАВА V

Через неделю после приезда Яжная, в урочище явился Чугунный.

—Где живет Мундус?—спросил он проходившую мимо женщину. Та ответила и с опаской посмотрела на незнакомого всадника.

Не слезая с коня, Чугунный подъехал к айылу и гаркнул:

—Эй!

На крик вышел Мундус.

—У тебя живет зотвиковский приемыш?

—Не знаю, у меня малайки нет.

—Гы Мундус?

—Мундус.

—Так чтоб тебя холера взяла!—выругался Иван и слез с коня.—Яжнайко говорит, что у тебя живет паряшко,—отстранив старика, он вошел в айыл.

—А-а, так вот где ты, голубчик,—увидев сидящего возле отца Кирика, сказал од злорадно.—Теперь, брат, ты от меня не уйдешь,—в шагнул к перепуганному мальчику. Кирик сделал попытку проскользнуть в дверь, но тяжелая рука Чугунного опустилась ему на плечо.

—Если вздумаешь бежать, свяжу арканом и в седло, пригрозил он пшддевышу.—Будешь вести себя тихо, достаю к хозяину добром.

—Я не поеду на зимку,—брови Кирика сдвинулись.

— Да ведь ты прозадаешь здесь с голоду, — пытался уговорить его Чугунный.

— Умиру, но к Зотникову не поеду, — сказал тот решительно.

— А, да что с тобой разговаривать! — Схватив барахтавшегося мальчика, Иван вынес его из айыла.

Увидев любимца в руках чужого человека, Мундус закричал:

— Оставь мальчика. Не дам! — уцепившись старческими руками за Чугунного, он тянул его к айылу.

— Отойди, а то расшибу, — подняв кулак над головой старика, прошипел злобно тот.

— Дьал-тан-бас! Дьал-тан-бас! Э ой!

Мундус стал звать на помощь сына.

— Э ой! — слышалось издалека, было видно, как молодой охотник стал поспешно спускаться с горы.

Кирик, точно птица, бился в крепких руках зотниковского работника.

— Э ой, — запыхавшись, Дьалтанбас подбежал к отцу. — Что случилось?

— Кирика отнимают от нас.

Охотник повернул гневное лицо к Чугунному.

— Оставь мальчика, — сказал он резко.

— А ты кто токой? — вызывающе спросил тот.

— Я тебе говорю оставь! Ну!

— Ты еще на меня нукать вздумал, — опустив найденыша, Иван шагнул к Дьалтанбасу.

— В лепешку расшибу, если будешь мне перечить.

— Руки коротки.

— Ах, ты так, — и размахнувшись, Чугунный занес над головой охотника увесистый кулак Дьалтанбас отскочил. Обхватив противника сзади за шею, он уперся ногой в его спину и стал гнуть к земле. Чугунный упал, потом медленно поднялся и сказал злобно:

— Будет время, я тебя припомню.

Проваливай! — ответил ему спокойно Дьалтанбас и, взяв испуганного Кирика за руку, пошел с ним в айыл.

Вечером охотник долго совещался с отцом.

— Кара Баарчыку оставаться здесь нельзя. Если его сегодня не взяли, завтра могут отобрать. Как быть?

Мундус поковырял в пустой трубке пальцем и задумался.

— Беда, — вздохнул он. — Все равно пытать будут, куда девали парня, — и, помолчав, спросил сына: — Моя избушка в Ярголе цела?

— Стоят. Недавно в ней ночевал, — ответил Дьалтанбас.

— Кара-Баарчык надо туда стравить. Место надежное, глухое.

— Правильно, отец. — Дьалтанбас вскочил на ноги. — Дать Кирику продуктов, ружье в Мойнок. Пускай пока живет там до весны, а дальше будет видно. Мне придется белковать эту зиму в тех местах. Оставлять Кара-Баарчыка одного в тайге нельзя.

Рано утром, когда жители урочища свали крепким сном, двое лыжников вышли из Мендур-Сокова и направились на запад в сторону Теректинских белков. За ними, весело помахивая хвостом, бежала небольшая остроухая собака. Когда из неба заблестала утренняя заря, путники прошли уже небольшую долину, зажатую с трех сторон горами, и стали подниматься на перевал.

Это были Дьалтанбас, Кирик и Мойнок.

Ночь они провели у костра под пихтой, где охотник нашел когда-то Кара-Баарчыка, и утром двинулись дальше.

Часа через два лыжники достигли Яргольского ущелья и стали подниматься вверх по руслу реки. Чем дальше они шли, тем угрюмее становилась природа. Лиственницы теперь попадались редко. Не видно было осин и зеленого пихтача. К вечеру путники ступили в сплошной кедрач. Стало холоднее. С далеких белков подул пронзывающий ветер. Он нес с собой колючий снег и щемящий мороз. Дьалтанбас шел впереди, порой останавливался, поджидая Кирика.

В сумерки они достигли охотничьей избышки, о присутствии которой Кара-Баарчык догадался по трубе, сложенной из камней. Крыши не было, лишь толстый потолок, срубленный из молодого кедрача мог выдержать метровый слой снега и прочие невзгоды зимы.

Стены избышки были сложены из массивных бревен в пять-шесть рядов и в одной из них была прорублена дверь, иссеченная из крепких железных петель. В противоположной от двери стене выдвинулось узкое окно, затянутое пузырем. Отбросив от дверей снег, Дьалтанбас с Кириком вошли в избу.

— Вот и наше жилье. Располагайся. Сейчас затопим печь и будет тепло, — весело сказал охотник и, нашарив суше дрова под нарами, зажег огонь. Кирик с любопытством осмотрел внутренность избы, где он должен провести два с лишним месяца и довольный результатами осмотра, бросил с себя мешок.

— Тебя, брат, Зотников здесь не найдет, а Чугунный тем более, — улыбнулся Дьалтанбас. — Живи спокойно. Изба на-

дежная, дверь крепкая, оставлю тебе припас. порох, дробь, а для веселья — Мойнок, — дожась спать, заявил он мальчику.

Кирик долго ворочался на постели и уснул не скоро. Оставаться одному в тайге ему не хотелось, сказать об этом Дьалтанбасу он не смел и только утром за чаем заявил:

— У меня в Тюдрале есть друг, русский мальчик. Хорошо было бы, если бы ты привел его сюда, — в смущении Кирик опустил глаза на пол.

— А он пойдет? — спросил его живо охотник.

— Только скажи, что Кирик тебя зовет, явится.

— Вот и хорошо, — довольный Дьалтанбас поставил чашку чая на нар. — Как его зовут?

Янька.

— В Тюдрале Янек много. Чей он?

— Сын бывшего работника Зотникова. Отца зовут Проконий, а мать Степанидой.

— А где сейчас отец?

— На войне?

— Хорошо. Мальчик будет здесь через неделю. — Кивнул головой охотник.

— А маме Степаниде скажи, что я часто ее вспоминаю, — глаза Кирика затуманились.

— Значит у тебя мама есть?

Мальчик молча кивнул головой.

Дня через два Дьалтанбас ушел. Кирик остался в тайге одян.

Стояла оттепель. Днем солнце высоко подвизалось над Урголом, бросая косые лучи в ущелье. На деревьях висели ледяные сосульки и, зевая друг о друга, напоминали о весне.

Проводив Дьалтанбаса, Кирик вернулся с Мойноком в избушку, растопил в котле снег и сварил себе чай. Накормив собаку, он улегся спать.

Далеко над белками плыла луна, проливая бледный свет на кедровый лес, растущий внизу и засыпанный снегом избушку. Отбрасывая лунную тень, стояли нелицевые лягушечницы. Ни звука. Лишь порой свалится свет с ветви и чудесным фейерверком рассыплются искристые снежинки.

В избушке было тепло и сумрачно.

Медленно догорали угли, отбрасывая слабый свет на закоптелые стены. В углу на нарах спал Кирик. Мальчик дышал ровно и глубоко, как человек, который наработавшись за день, рад отдыху. Возле дверей, свернувшись в клубок, чутко дремал Мойнок.

Луна продолжала свой обход.

Длиннее становились тени деревьев и, спрятавшись за белками, круторогий месяц исчез. В ущелье стало темно. Казалось, все уснуло, только белая сова кружилась неслышно в поисках добычи. Вскоре ее зоркие глаза заметили зверя. Он пошел осторожно по тонкой корке льда, застывшего за ночь. Втянув в себя воздух и не найдя ничего подозрительного, зверь направился к жилью. Сова покружилась над ним, и услышав предостерегающее рычание, скрылась в кедраче. Ночной гость остановился на опушке леса и насторожил уши. Опасности не было. Предутренний морозный воздух был попрежнему чист и легок. Повертев круглой, как у кошки, головой, зверь стал приближаться к избушке. Здесь когда-то он находил остатки мяса и кости. Это была рысь. Оставовившись в метрах в пяти от жилья, она обнаружила чьи-то следы и вздыбила шерсть. Ей стало ясно, что здесь прошел человек, с ним какой-то незнакомый зверь и следы обоих вели к дверям жилья. Инстинкт предосторожности заставил рысь залечь в снег. В избушке было попрежнему тихо. Прошел час. На востоке показалась бледная полоса света и, постепенно расширяясь, охватывала небосклон. Начало светать. Голод погнал зверя к жилью. Приблизившись к избушке, рысь прыгнула на крышу. Внизу под потолочным настилом послышалось рычание, и Мойнок заскреб острыми когтями дверь. Рысь притаилась. Кирик проснулся и стал прислушиваться. Мойнок рвался из жилья, прыгал на нары и обратно к дверям, заливаясь неистовым лаем.

Кирику стало ясно, что на крыше кто-то есть, но выйти из избы и выпустить Мойнока он не решался.

Если это враг, то в избушку он не попадет, толстые стены и двери, висящие на массивных железных петлях служили верной защитой. Кроме этого, у Кирика было ружье с достаточным запасом патронов.

Чувствуя добычу, Мойнок кружился по избе, останавливался перед хозяином и тявкая из него как бы спрашивал: Почему не открываешь дверь? Кирик взял ружье, собака вильнула хвостом и прыгнула с нары к выходу. Мальчак направил дуло в маленькое оконце и выстрелил. Через разрыв бычьего пузыря было видно, как соскочив с крыши, рысь понеслась вниз по ущелью. Кирик заметил ее короткий, точно обрубленный хвост и, мелькнув темно-рыжей окраской тела, она исчезла в кустах.

День и последующая ночь прошли без приключений. Одиночество не томило найденныша. С ним был верный Мойнок и мальчик уходил с собакой далеко от избы.

Стоял конец марта. Солнце грело сильнее и из широких полявах образовались прогалины. По дну ущелья, где протекал горный Яргод, в толстой наледи появились первые трещины, через которые просачивались вековая вода.

Однажды утром, взяв с собой ружье и котелок, рассказав по карманам несколько кусков сухого мяса, часть патронов, Кирик направился с Мойноком вверх по Яргоду. Полдень его застал на границе леса и подкрепившись горячим чаем, он увлекся охотой на куропаток. Птицы кружились небольшими стайками и при приближении охотника, падали на снег. Всвугнутые Мойноком, рассекая воздух, они летели вверх по ущелью, заманивая Кирика все дальше на белки.

К вечеру он убил несколько штук и решил возвратиться домой. Ловко маневрируя на лыжах мимо многочисленных камней, которые высовывались из-под наледи Яргола, обходя густой кустарник, он проходил уже самое узкое место ущелья, где отвесные скалы сжимали русло реки. Неожиданно впереди молодого путника раздался оглушительный грохот и испуганный Кирик увидел, как снежная лавина сползла с горы и закрыла выход из Яргола. Кара Бзартык оказался отрезанным от жилья. Единственный выход из ущелья был на белки, на мертвые, покрытые вечным снегом, горы.

Ночь настала Кирика сидящим у костра под выступом большого камня. Вода и ветер образовали здесь углубление, напоминающее своим видом небольшую пещеру. Мальчик пролез через узкий проход и зажег спичку. Слабое пламя осветило на миг гладкие стены, потолок и потухло, здесь было тепло и сухо. Усталый за день он прислонился к стене и незаметно уснул. Мойнок улегся возле выхода в пещеру и не спуская умных глаз с потухающего костра, оберегал сон юного хозяина.

Настало утро. Но солнца еще не было. Только на вершинах белков, точно освещенные сильным прожектором, сверкали снега. Кирик вылез из-под укрытия и направился к месту обвала. Снег и камни сплошной стеной перегородили ущелье и мальчик с грустью повернул обратно. Прошел знакомый камень под которым провел ночь и стал подниматься вверх по Яргоду. В одном месте, крутизна скал оказалась меньше, и Кирик сделал попытку выбраться из ущелья. Осторожно ступая, чтоб не свалиться в Яргод, цепляясь за кусты каменной таваложки, шаг за шагом он поднимался все выше и выше. Над головой в трех метрах из узкой расщелины виднелся могучий корень кедра. Это как ухватиться за

него? Ниже расщелиям, видимо, глубокой осенью стекала почвенная вода. Теперь она застыла огромными сосульками, которые перегородивали ему путь.

Продолбить ступеньки во льду нечем, глаза Киряка остановились на соседнем выступе камня. Приняв, видимо, какое-то решение, он осторожно поднял на руки Мойнока, погладил и резким движением подбросил его на выступ вправо. Собака уцепилась за камень, перескочила на второй и стала карабкаться вверх. Вскоре ее радостный лай возвестил, что она находится на просторе тайги. Киряк стал спускаться вниз. Сверху посыпалась мелкая галька и, подняв голову, мальчик увидел, что Мойнок начинает спускаться в след за ним.

— Нельзя! Иди домой! — Собака остановилась. — Домой! — Мойнок заскулил и, переступая ногами, порывался к Киряку. — Домой! — В голосе хозяина послышалась повелительная нотка и послушный пес стремительно понесся к лабушке.

Киряк спустился обратно в ущелье и направился к своей маленькой пещере. Развел костер и, зажав куропатку, разделил ее на две равные части.

«Если Дьалтанбас с Янькой не пришла, то Мойнок поедит в Мендур-Соков. Тула и обратно это день, — стал он высчитывать. — Значит, мне придется провести здесь сегодня и завтра ночь. А тут подоспеет и помощь. Но если Мойнок не выйдет в урочище Дьалтавбаса? — Киряк почувствовал, как холодные мурашки забегали у него по спине и как бы прогоняя неприятную мысль, он стал пересчитывать свой запас. Мясо оставалось немного. Кроме этого, на завтрашний день у него куропатка. Патронов два. Жаль, что взял их мало.

Остаток дня и ночь он провел спокойно. С вечера натаскал камней в прежнее чем ложиться спать, заложил ими узкий проход в пещеру. На следующий день, был съедена последняя куропатка и оставался небольшой кусок сушеного мяса. Киряк старался больше пить чай.

Дьалтанбас не явился и на второй день. Продуктов не было. Пленник Яргела, выбравшись из своего убежища, направился вверх по ущелью, где когда-то с помощью Мойнока он достал несколько куропаток.

Вскоре он услышал резкий звук их крыльев и горные урочки подвываясь в воздух камнем упали в снег. Каргаарчык, держа наготове ружье, тихо пополз к ним. Белое перенне птиц служило им защитой и зарывшись в снег, птицы лежали спокойно. Киряк дополз до места, где они пали и увидел лишь пустые лунки. Куропаток не было.

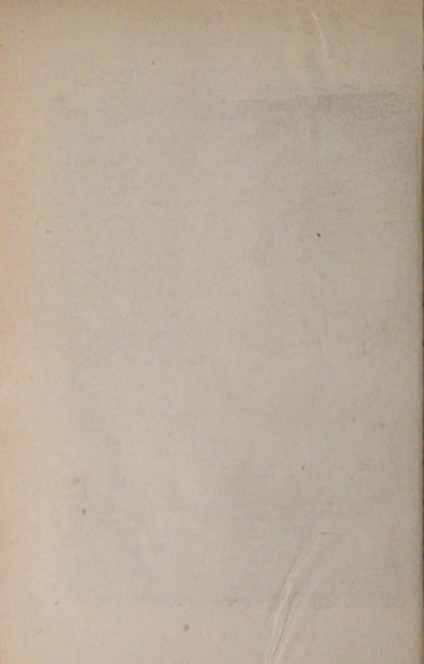
Как жаль, что нет Мойвока. Неожиданно почти из-под сланных ног вспорхнула одна из птиц. Кирик выстрелил. Куропатка упала. Бросившись со всей силой, он остановился в недоумении. Куропатки не было. Только в одном месте виднелось небольшое пропитанное кровью пятно снега. Ясно, птица была ранена и ушла под снегом. Но куда? В какую сторону? Кирик пробежал несколько метров вперед и, сделав круг, не торопясь стал оттаивать снег. Куропатка взлетела и вновь упала. Охотник метнулся вперед за ней и успел схватить ее в тот момент, когда она зарывалась под снежный покров. Вернувшись со своей добычей под знакомый камень, он зажал птицу, но съел лишь половину. Вторую приберег до утра. Наступила третья ночь. Кара-Бзарчык лежал свернувшись возле костра, прислушиваясь к шороху ущелья. В ночном воздухе повеяло теплом. Было слышно, как недалеко журчала вода, разъедая толстый слой льда, который стал уже рыхлом. Вдруг что-то грохнуло.

"Изверное, камень свалился" — пронеслось в голове Кирика. Приподнявшись, он подбросил несколько сучьев в огонь. Вспыхнуло пламя, осветило стены маленькой пещеры и похудевшее от бессоницы и голода лицо Кара-Бзарчыка. Косые лучи утреннего солнца проникли в каменное углубление, где спал Кирик и, проснувшись, он выполз из жилья. За ночь, речной лед вздулся и было слышно, как в широких трещинах бурлила вода. Оставаться здесь было опасно. Затоп может послужить причиной наводнения. Кирик бросил взгляд вниз. Яргота и увидел, что вода стала медленно подниматься по наледя вверх, образуя эжотое с трех сторон озера. Надо было уходить.

Захватив с собой ружье с единственным зарядом, он стал на лыжи и направился в сторону белков. Выбравшись из ущелья, Кирик остановился передохнуть. Передним виднелось большое высокогорное плато, покрытое сверкающим на солнце снегом. Мальчик окинул безжизненную равнину взглядом и побрел на восток. Вскоре он почувствовал о режущего света боль в глазах. Прикрывая их ладонью Кара-Бзарчык шел не останавливаясь. Полурежнему ласков светило весеннее солнце, но оно не приносило ему радости. Боль в глазах становилась сильнее, мучил голод и как на зло куропатки не попадались.

Изливаясь от усталости, он снял лыжи и втащив их в снег, опустился возле них. Наступал вечер. Огненный шар медленно прятался за вершину снежной горы и, бросив сумрачное небо прощальные лучи, скрылся. Склонив голову

зу на грудь, полуослепленный Кирик сидел неподвжго. Дхватывала дремота. Мысли унеслись на лвику Зогиико-ка в избу Прокопия, где ему было так хорошо с Янькой. Бегство от Евстигнея, борьба с собакой, тайга, Дьалтанбас и Мендур-Сокоп. Голова мальчка клонилась все ниже и ниже.

Но что это такое? По снежной равнине, обнюхивзя лыж-ный след, бежал какой-то зверь, за ним не отставая мчался второй.

— Волки, — стряхнув дремоту, Кирик схватился за ружье. Звери приближались.

Со стороны Яргола на равнине показался силуэт человека, за ним чуть заметной точкой катился второй. Тишину белков неожиданно разрезал резкий хлопающий звук выстрела в тот же миг, огромный зверь сбил Кирика в снег и с радостным лаем Тарзан и Мойнок закружилась вокруг раненого. Мальчик, сдерживая слезы от пережитых волнений, обхватил руками собак и стал ждать приближение людей. Через полчаса, зыпыхавшийся от бега, Дьалтанбас был возле Кирика и, опустившись на колена, обнял друга. Он катил на лыжах Явька. Отбросив их в сторону, он проделал из снега такое антраша, что аривыкшай ко всему охотник изумился.

— Ну и фокусник же ты, парень.

Подкрепившись вяленным мясом, которое захватил с собой предусмотрительный Дьалтабас, они все трое двинулись в сопровождении собак к охотничьей избушке.

ГЛАВА VI

Прошла весна. Ребята попрежнему жили в избушке Яргольского ущелья. Изредка их навещал Дьалтанбас с коньком и, каждай раз его приход был для них настоящим праздником. Кроме провизии охотник приносил и новости.

— Человек из Удалы мне говорил, что на фронте среди солдат начались волнения. В больших городах идут забастовки. Важные вести, — покочал он головой и углубился в свои мысли. — Мавжи устривает бйбрам. — После короткого молчания заговорил он — в Теньге соберутся лучшие борцы и наездники. Я готовлю буланого. — Квара-Баврчык зизл Дьалтанбаса. Это была небольшая суховарая лошадь развитой грудью на тонких жилистых ногах. Вдоль спины, начиная от мягкой волнистой гривы до хвоста, шла темная как амень полоска — признак породности. Ковь имел красивую

голову, со лба которой опускалась пышная челка, доходящая до темных агатовых глаз. Сдерживая схватившее волнение, Кара-Баарчык спросил:

— А кто поедет на буланом?

Дьалтанбас скрывая улыбку ответил:

— Самый отважный из нас.

— Значит я, — вскопал на ноги Янька.

— Может быть и ты, а может быть и другой, — отвечая уклончиво Дьалтанбас в одобряюще посмотрел на притихшего Кирика.

Мечта мчаться на буланом коне охватила Кара-Баарчыка и волнуясь он спросил охотника:

— А много будет наездников?

— Со всей Теньги, Онгудая, Усть-Кана и Коксы. Зотников готовит своего бегунца, — продолжая Дьалтанбас. — Недавно видел его сына на рыжем коне. Добрый конь. Крепкий, говорят, что он купил его у Аргыма, брата Манжи. Только не алтайской породы конь. Но лошадь на бег сильна. Кривой Янькай выставляет на празднике вороную кобылицу, четыре года не звавшую узды. Самые лучшие кони будут на байраме в Теньге. Заезд на пятнадцать верст, от Чуйской дороги до стоянки Манжи. Выдержит ли буланчик? Большая награда ждет ездока. Однако я пойду, — закинув ружье за спину и свиснув Мойнока, Дьалтанбас вышел из избы.

— Дяденька, а дяденька — окликнул его Янька. — Я думаю с Кириком сходить в Тюдралу, маму давно не видел.

— Сходите, только не попадитесь на глаза Зотникову и Чугуниному, — ответил тот. — Кара-Баарчык, иди-ка сюда. — поманил он пальцем любимца.

Мальчик подошел. Дьалтанбас наклонился к его уху и прошептал чуть слышно:

— На буланом поедешь ты.

Лицо Кирика порозовело и когда охотник скрылся Янька спросил своего друга:

— Что он сказал?

— Он сказал что на буланом коне поеду я.

— Вот и хорошо. — Повеселевший Янька продолжал: — Когда он сказал, что поедет самый отважный, я понял, что ехать тебе, я тоже буду на празднике, не утерплю, поеду с тобой со Степкой, — тряхнул он вихрастой головой.

Прошла неделя с тех пор как ушел Дьалтанбас. За это время ребята сбегали в Тюдралу и обрадовались Степке, да, обнимая Кирика, говорили:

— Солнышко ты мое, уж так я горевала, так горевала, что

ты был неизвестно где. Думала уже замерз. Ну хорошо, что нашлись добрые люди и дали приют. А Янька был сам не свой, два раза бегал на заимку. Яша, — обратилась она к сыну, — от отца письмо пришло, пишет, что домой скоро не ждите. Заваруха какая-то на фронте началась.

Степанида, проводила ребят до околицы.

— Возвращайтесь скорее, в огороде у меня огурцы созревают. Домой идите оба. Слышишь, без Кирика не возвращайся — крикнула она вслед сыну.

— Ладно, — ответил тот.

Степанида возвратилась в избу, села к окну и задумалась.

Отпустить Яньку ей не хотелось. Но жалость к Кирику поборола в ней чувство материнского эгоизма и Степанида вздохнула.

«Если не отпустить Яньку, что станет с Кириком? В Тюдрале ему жить нельзя, в Мевдур-Сокоие тоже. У Зотникова хуже каторги, но когда же все это кончатся? Ребенок живет на положении загнанного зверка. Где выход?» — и не найдя ответа на свои мысли, Степанида вышла из избы и долго смотрела на дорогу, по которой ушли два любимых ею существа.

Тем временем пройдя километров пять от села, ребята свернули с дороги и стали подниматься в верх по ущелью Яргола. Тропинка шла гребнем горы и спустившись в небольшую ложбину, они увидели человека, сидящего к ним спиной у костра. Тарзан хотел было кивнуть на незнакомца, но Янька зажал пасть собаки и потащил ее в кусты. Широкая спина человека, длинные руки показались ему знакомыми и, притаившись в кустах, ребята стали наблюдать за сидящим. Рядом с ним лежал топор. Недалеко, привязанная на аркан паслась лошадь. Незнакомец подбросил хвоста в огонь и повернул волосатое лицо в сторону ребят. Кара-Базрчык чуть не вскрикнул от испуга. У костра сидел Иван Чугуныный, работник Зотникова. Что ему здесь было нужно? Место, где он находился было глухо. С одной стороны в Яргол спускались отвесная скала, влево от лужайки высваслась громада гор. Осторожно ступая мальчики двинулись вперед.

«Лишь бы не злая Тарзан. Тогда пропали,» — пронеслось в голове у Яньки и, продолжая удерживать собаку, он стал пробираться кустарником на гору. За ним, оглядываясь на страшного человека, следовал Кирик. До охотничьей избушки оставалось километров шесть. Часа через полтора ребята добрались до жилья.

—А ты не заметил, Кирик, жерди у костра? Спросил Янька у своего друга.

—Да я видел не только жерди, но отесанные колья,— ответил тот.

—Зачем понадобилась городьба? Места для покоса там мало, не понимаю,—тряхнул головой Янька.

—И я тоже,—признался Кирик,—но должно быть Зотников что то затевает. Надо посмотреть.

На следующий день ребята, взобравшись на противоположную от костра скалу, стали наблюдать за Чугунным.

Иван с остервенением вбивал колья в землю, опоясывая изгородью вебольшую влошадку. Один ее конец упирался в скалу, второй вел к горе и постепенно суживаясь сооружение представляло из себя неправильный треугольник с узким проходом по дну ущелья.

—Загов для лошадей,—высказал первым свою догадку Янька. Кирик молча кивнул головой и ребята стали спускаться с горы.

Следующий день им привес много интересных событий. Завяз с утра свой наблюдательный пункт из гребне горы, он увидел, что зотниковский работник был не один. На привязи стояло три оседланные лошади и вскоре показались их хозяева. Впереди шел Чугунный, который нес на плечах походную кузницу, представляющую из себя железный треног с конусообразным углублением, и маленький мех. За ним шагал какой-то незнакомый алтаец и, приглядевшись к нему, Кара-Базрык узнал кривого Яжвя. Лицо третьего было не видно и когда он подошел к изгороди они узнали в нем своего врага Евстигнея. Осмотрев местность, займщик задрал бороду вверх.

—Отсюда кони не уйдут. Надо только гнать без передышк. Где сейчас табун?—обратился он к Яжвяю.

—Чей?—спросил в свою очередь тот.

Евстигней выругался:

—Да не все ли нам равно, чей, или усть-кавских пастухов, или тюдралинских голоштаняков, или этого простого фили Тахьска. Лишь бы поставить свою тамгу, тогда хозяин найдется,—улыбнулся он в бороду.—Пускай доказывают что коня не наши. Как там, Ваня, горво?

—Сейчас попробую.—прогудел тот и, вложив горячих углей, нажал ногой на педаль тренога.

Рассыпаясь веером, полетели искры. Чугунный сунул в угол железное тавро. Раскалив его до красна, он приложил к свежесотесанной жерди.

Спрятав тавро и горн в траве под лиственницей, они все

трое вскочили на коней и скрылись из вида. Яныка с Кирикэм поспешили спуститься с горы и подошли к загородке. На одной из жердей было выжжено: Е. З.—тавро Евстигней Зотникова. Ребята посмотрели друг на друга.

— Понял?— после короткого молчания спросил своего приятеля Яныка. — Они таврят чужих лошадей, которые падутся в тайге.

— Да ведь это воровство,— заметил Кирик.

— А ты как думаешь: отчего разбогатели Яжнай и Евстигней, ты думаешь что ихнее богатство честным трудом нажито? Пойдем, сарячем тавро.

Ребята направилась к листовнице и разбросав траву, вытащили из под горна железное тавро.

— Вот этим бы тавром да Евстигнейя по голове, пускай сграбит,— произнес Яныка, раскачивая куском железа в руке.

И Яжнай,— подтвердил Кара-Баарчык.

Возвратившись в избушку, они спрятали тавро, зарыв его в углу под нарами. Ребятам не сиделось. И как только настал вечер, взяв с собой Тарзана и ружье, они зыркнули на знакомый гребень, с которого огороженная площадка была видна как на ладони. Вскоре с вязу Яргола послышался топот приближающихся лошадей, табуи голов пятнадцать стремительно влетел на площадку и не найдя другого пути, кони друг за другом промчались через открытые ворота изгороди и заметались по загону. Вслед за ними, на взмыленной лошади, точно вихрь, примчался Чугунный и, спрыгнув с коня, задернул жердями проход. Табун оказался в ловушке. Прискакал возбужденный гонкой Евстигней, за ним кривой Яжнай и, хлопал бичем, они стали отгонять испуганных лошадей на средичу загона. Косяк сгрудился вокруг своего вожака, который храпел, бил копытами землю. Это были молодые, от двух до трех лет, сытые, незнатные узды, не носившие на своей спине человека, полудикие кони. Яжнай набросил на ближайшую лошадь крепкий полосной аркан. Брыкаясь, конь то поднимался на дыбы, то падал на землю и чем сильнее он бился, тем туже стягивала веревка шею.

— Неси тавро!— крикнул Евстигней своему работнику. Опая как медведь, Иван направился к листовнице и вынул из щели горн. Пошарил рукой в траве, но тавра не было.

— Какого чорта долго там возишься,— выругался Зотников.

Чугунный подвинулся.

— Тавра нет,— прохрипел он простуженным голосом

— А ты видя Зюзику.

— Все перерыл. Нет тавра.

Зотников подошел к листовнице, отбросил ненужный уже горн, перетряс траву, но тавра не было.

— Что за оказия, — пробормотал он вполголоса. — Неужто кто был здесь? — оглянувшись поровчато, Евстигней поманил к себе Яжизя. — Тавро кто-то утащил.

Кривой выругался.

— В кузницу надо ехать, в Гюдрзлу, заказывать новое.

— А с лошадьми как? — спросил Чугунный.

— Оставься здесь, карлуль, а мы с Яжизем съездим. И угру будет все готово.

Евстигней с Яжизем уехали. Чугунный развел костер и поглядывая изредка на притихших лошадей, начал клевать рисом.

Сумерки сгущались. В ложбине стало темно. Слезая с гребня горы, Янька зашептал на ухо Кирику:

— Когда Ивзи уснет, мы выаустим лошадей.

— А если увидит?

— В темноте не заметит. Надо только открыть загородку, если выйдет одна лошадь, остальных не удержать.

— А где будем разгораживать? — глаза Кирика заблестели.

— С противоположной стороны от ворот. Только надо делать это тихо. На случай приготовить ружье. Выстрел может наугать Ивзана и лошадей, вот будет кутерма, — сказал довольный Янька и стал осторожно спускаться вниз. За ним следовал Кирик и Тарзан. Через несколько минут ребята были возле загородки и стали снимать жерди. Чугунный продолжал дремать. Освободив от жердей один пролет, юные смельчаки стали ждать когда выйдут кони. Они продолжали стоять тесной кучей, не двигаясь.

— Пустя Тарзана, — распорядился Янька.

Кара-Бларчык тихо свистнул и показал на табун. — Возьми! — Собака метнулась в загон. Испуганные коня шарахнулись и, описав круг, помчались через открытый пролет в ночную темь верхнего Яргола.

Ивзан вскочил на ноги и подумав, что на табун напала волки, бросил несколько горющих поленьев в загон. Но лошадей там уже не было.

Ребята тихо поползли обратно к горе. Возле открытого пролета остался лишь один Тарзан. Ощупывая жерди, Чугунный дошел до собаки и остановился в испуге. Оскальнившие могучие клыки, грозно рыча перед ним стоял огромный пес. Испуганный конокрад попятился и держась за колья

поспешно поднялся на высокую изгородь. В темноте со стороны горы прогремел выстрел. Яныка стрелял в воздух. Чугунный в страхе камнем свалился с изгороди и пополз на четвереньках к стоявшей неподалеку лиственнице. Раздался свист. Бросив перепуганного на смерть Ивана, Тарзан большими скачками помчался к ребятам.

Стоял месяц малой жары, года зайца (июнь 1916 год). Теньгинский волостной старшина Манжи Кульдживов устраивал праздник. На берегу реки, которая протекала ниже урочища, горели костры. Манжи не жалел баранов для угощения гостей. Из Онгудая приехал полицейский пристав Фрол Кузьмич Огарков с тремя стражниками, в Теньгу на праздник ожидали приезда Бийского исправника Порфирия Алексеевича Кайдалова, который задержался в Шебалино по служебным делам. Приехал Евстигней Зотников вместе с Чугунным и со Степанком. Прибыл кривой Яжнай и Хлус-Чергянский бай Оруска Шабураков. Высланные на Чуйскую дорогу дозорные донесли Манжи, что исправник в сопровождении небольшого конвоя казаков спускается с Семинского перевала. В двухэтажном доме Манжи, где помещалась волостная управа засуетилась. Вытащили цветные, украшенные причудливым орнаментом монгольские кошмы и разостлали их по лестнице перед домом. За пригорком показалась падь. Народ толпился тесной кучей недалеко от дома Манжи.

— Дорогу! дорогу! — размахивая нагайкой кричал передний казак.

Вскоре показалась рессорная коляска, из которой вылез тучный исправник.

Пристав вытянулся в струнку. Манжи склонил перед гостем голову и сказал подобострастно:

— Пусть будет покрыто травой место, где ты ночуешь, пусть будет праздничным место, куда ты приходишь — такая наша алтайская поговорка, — прошу в мой дом.

— Эзев, — прохридел новоприбывший гость и обратился к Огаркову, — ну как у тебя дела, Фрол Кузьмич?

— Во вверенном мне участке все благополучно, — отрезал тот.

— А вот алтайцы жалуются, что кто-то коней у них заврет, да поймать не могут. Как они эти самые конокорды по-вашему называются? — Обратился он к Манжи.

— Урчылар, — ответил тот в смущении. Стоявший с ним рядом Яжнай вздрогнул и посмотрел в сторону Евстигнея. Зотников опустил глаза и зажал бороду в кулак.

— Ну вот, — продолжал Кайдалов, — этих самых урчлар как повадут, немедленно в Бийский острог отпразвляй.

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие. Будет исполнено — козырнул Огарков.

— Ну веди, хозяин, в дом, — повернулся исправник к Манжи. — Посмотрю на праздник и дальше.

Несмотря на свою дурдаость, бай торопливо засеменил на кровавых ногах к крутой лестнице дома.

Неожиданно дорогу знатному гостю перегородил старый алтаец и устал перед ним на колени.

— Я Тахыс из Яконура. У меня было три жеребенка, теперь их нет. Чем буду жить?

— О чем он говорят? — обратился Кайдалов к сопровождающему его переводчику.

— Он говорят, что у него было три жеребенка и теперь их нет.

— Ну, — сдвинул брови исправник.

С мольбой в голосе старый Тахыс продолжал:

— Я видал одного в табуне Яжизя, жеребенок мой, но тавро чужое.

— Чье? — нетерпеливо спросил Кайдалов.

— Ваше высокоблагородие, разрешите доложить, — пристав вытянулся перед исправником. — Этот алтаец не в своем уме, — и повернувшись к Тахысу, Огарков сказал сердито: — Коп! — (клевета).

Манжи снял шапку, опущенную мехом выдры и поклонился Кайдалову:

— Этот старик не в своем уме, — кивнул он в сторону Тахыса.

— А а, — протянул неопределенно исправник и кивнул головой казаку. Тот оттащил жалобщика в сторону.

— Мой калтар ат, мой дорогой калтар ат (мой мухортый конь), — захватив голову, раскачиваясь старик затянул израспев: Кокый-корон!

— Кокый-корон, — подхватила окружающая толпа и молча раступилась перед исправником, который в сопровождении Манжи и богатых гостей вошел в дом.

ГЛАВА VII

Праздник открывался утром. Начался он с борьбы. За крайним айылом, недалеко от реки, на широкой поляне, как только поднялось солнце, собрались съехавшиеся на байрам люди.

Кайдалов с приставом сидели на венских стульях, кото-

ые привез из Улалы брат Манжи—Аргымаф. Возле них, на скамейке расположился Зстняков со своим другом Яжняем. Тут же был богатый теленгит Оруска Шабурков и Усть-Канский демичи Согонок. За спиной Евстигнея в новой ситцевой рубаше и в яловых сапогах стоял Чугунный.

Манжи хлопнул в ладоши. На круг вышел первый боец, любимец Теньгинского старшины Тужелей. Играя мощными мышцами, он оглядывал толпу.

— Есть борцы? — приподнимаясь с кошмы, спросил Манжи. Толпа молчала. Схватиться с известным силачем охотников не находилось. — Есть борцы? — вторично спросил Манжи и, не получив ответа, самодовольно погладил жидкие китайские усы. — Боятся, — усмехнулся он исправнику, — боятся. — Кто желает?

Из толпы вышел молодой варень и, сбросив шубу, встал против Тужелей.

Схватка была короткой. Ноги молодого борца мелькнули в воздухе и, упав на землю, он охля пополз с круга.

— Ловко, — довольный Манжи посмотрел на своих гостей. — Есть борцы? — весело спросил он толпившихся людей.

Настало тяжелое молчание.

— Есть борцы? — послышался насмешливый голос Аргымая.

Тишину прорезал звонкий голос. — Есть! — на круг вышел Дьалтанбас. — Есть! — поднял он руку и легким шагом направился к Тужелею.

Противники схватились. Сделав несколько кругов, Дьалтанбас неожиданно упал. Из толпы раздался два исуганных крика.

Падая, он уперся ногами в живот Тужелей и в тот же миг, смятая туша знаменитого борца, перелетев через голову Дьалтанбаса, грохнулась на землю. В толпе раздался гул восторга. Манжи вскочил из кги и, переваливаясь на своих кривых ногах, поспешно подошел к лежащему любимцу. Тужелей дышал тяжело. — Дай араки, — чуть слышно прошептал он и, приподнявшись на руки, точно побитая собака, пополз на четвереньках из круга. Бледный, но спокойный Дьалтанбас стоял с гордо поднятой головой.

— Не нравится мне этот молодчик, — шепнул исправник ухом Огаркову, — лицо у него, как у бунтовщика.

— Похож, — поддакнул пристав, — не знаю чей это варень, продолжал он. — Слишком свободно себя держит, — Манжи, но это за человек?

Старшина развел руками:

— Первый раз вижу.

— Это Дьалтанбас, сын Дьорыкчи из урочища Мендур-

Сокоп, охотник, — ответил за Манжи кривой Яжнай. — Сейчас дадут ему память, — и килейский богач, дружески похлопал по плечу Чугунного. Ваня покосился на Огаркова и склонил ухо к Евстигнею, тот зашептал:

— Калмыка надо свалить. Осилишь, четверть водки поставлю, не осилишь, пеняй на себя.

— Есть борцы? — раздался голос Аргымзя.

— Есть, — прогудел Иван и, сняв ситцевую рубашку, обнажил волосатую грудь.

Кайдалов поднялся на ноги.

— Посмотри, Фроп Кузьмич, — обратился он к приставу, — ведь это настоящий геркулес. Пощупай-ка бицепсы... силица-то какая, а? — Ваня согнул руку, на которой образовались твердые как дерево мускулы, и поиграл ими перед изумленным гостем. — Геркулес, — протянул исправник, — в жирке ему бы только работать, — заявил он Евстигнею.

— Подкову ломает, — улыбнулся тот, — медный пятак в пальцах гнет.

— Изумительно, — качал головой Огарков. — Ты этого алтайца к ихнему Эрлику (злой дух) не вздумай отправить, — сказал он шутливо.

— Сам дорогу найдет, — оскалив лошадиные зубы, Иван шагнул на круг.

Дьялтанбас сидел на корточках, обтирая обильно струившийся пот.

— Отдохнуть надо, — сказал он Чугунному.

— Отдохнешь на том свете, — прогудел тот.

— Неправильно! Дай отдых, — зашумела толпа.

— Он уклоняется от боя, — поднимаясь с лавки, заявил Евстигней, — трусов.

— Будешь принимать бой или нет? — раскарячив ноги, Чугунный встал перед охотником.

— Однако, скоро ты забыл Мендур-Сокоп, надевай кушак, — резко сказал Дьялтанбас и поднялся на ноги.

Борцы схватились. Зотников подвинулся ближе. Иван Чугунный точно орангутан, схватил длинными руками гибкое тело Дьялтанбаса, стал сжимать его в своих страшных объятиях. Казалось еще несколько секунд и тот упадет. Напряжение борьбы передалось толпе.

— Дави его, Ваня, — жестикулируя, орал Зотников.

— Дави! — глаза Манжи заблестели.

— Давя, чтоб душа из него вышла! — кричали казаки.

Исправник приподнялся на цыпочки.

— Геркулес, bravo! — захопая он в ладоши.

Сидевшие ближе к кругу охотники и пастухи вскочили.

— Зачем душить человека! Честно бороться надо!— зашумели они.

Дьалтанбас побледнел. Собрав свои силы, он развел с трудом руки Чугунного в рывком поднял его к себе на грудь. Остальные события произошли молниевосно. Оторвав от земли Чугунного, Дьалтанбас круто повернул его вокруг себя и выставил вогу. Не чувствуя опоры, зотниковский свалач упал. Толпа ахнула. В мертвящей тишине сзади толпы с таратайки раздался звонкий детский голос:

— Так его конокрада!— И Янька с Кириком захлопали в ладоши.

Чугунный медленно поднялся с земли. Вид его был страшен, взлохмоченные волосы, дикие глаза, искривленный в злобе рот, часто дыша, он поспешно сунул руку в карман широчайших плисовых шаровар и выхватил свинчатку. Дьалтанбас отпрянул, не дожидаясь нападения противника, точно барс, он метнулся к Чугунному. Смелый прием джауджытсу и взревев от страшной боли, Чугунный повалился на землю.

Дьалтанбас поднял свинчатку и показал притихшей толпе. На круг выскочил пристаив.

— Именем закова!— Но Дьалтанбаса уже не было. Он исчез в толпе.

Евстигвей подошел к своему борцу. Чугунный лежал с закрытыми глазами не шевелясь.

— Ловко он тебя отделал,— усмехнулся Евстигвей и, приподняв голову своего подручного, влил в его волосатую пасть водки.

— Где я?— посоловевшие глаза Ивня уставились на хозяина.

— Дома на перине,— злорадно рассмеялся Зотников.— Осрамил ты меня не только перед бятайцами, но перед господином исправником,— укоризненно покачал он головой.— Давай поднимайся, хватит лежать,— приподняв своего сподвижника, Евстигвей с помощью Яжня направился с ним через опустевшую площадь.

Вечером пьяный Ивня шатался по урочищу и грозил:

— Только бы на глаза мне попался этот Дьалтанбас, ребра переломлю— я, обняв первого попавшего стражника, жаловался,— я, оренбургский казак, вольный человек, а вот Евстигненко меня опутал. Уйду в станицу,— всхлипнул он.

Потерпев поражение от Дьалтанбаса, Чугунный с хозяином деятельно готовились к бегам. Утром Степанко делал проминку коню. Поджарый бегунец часто перебирал товыми ногами и рвался на простор Теньги.

— Ты ему волю из первых порох не давай,— говорят отец сыну.— Попритерживай. Если будут обгонять, не беда. Дай волю верст через семь — Степаяко квал головой.

— А бить нагайкой можно?

— Только перед концом. А так не тропь, пошевеливай только ногами,— поучал он сына.

На другом конце, в кустах у реки, возле буланого коня сидели трое, Дьалтанбас, Кирик и Янька.

Охотник говорил:

— Обоим вам ехать на одном коне нельзя. Кинем жребий. Кто вытянет короткую палочку, тому и быть ездоком. — Зажав в руке он протянул их ребятам. Первым вытянул Янька. Охотник раскрыл ладонь. В его руке осталась короткая. — Ехать Кара-Баарчыку,— заявил он найденышу,— но вот беда, вдруг попадешься на глаза Зотникову? Ссадит с коня.

— Когда поедем на чуйскую дорогу, я буду позади наездников,— ответил Кирик.— Не приметят.

— Ладно, будешь гнать обратно, ирвань коня на взрод, а там, скроем,— успокоил своего друга Дьалтанбас.

— А что дают в награду?— спросил его Кирик.

— Манжи сказал, что первому наезднику дается все, что он попросит. Второму лошадь из его табуна по выбору, третьему суконый чекпень, корову и пять овец. Да воп, кажется, отправляются,— заметив пыль по дороге, Дьалтанбас поднялся на ноги.— пойду, сделаю писарю заявку на бега.— Ребята остались одни. Помолчав, Янька обратился к другу:

— Кирик, если будешь гнать возле той горы,— показал он рукой на дальнюю гору,— я буду встречать тебя там. Ладно?— Кара-Баарчык мотнул головой.— А знаешь что? Янька приблизил лицо к другу,— только Степанке не поддавайся, он поедет на рыжем бегунце, помнишь которого привели от Аргымай?

— Знаю,— коротко ответил тот.

Через несколько минут к ребятам подошел посвешно Дьалтанбас.

— Не подкачай.— сказал он торопливо Кирику и посадил на коня. Буланный скосил темные агатовые глаза на ездока.

— Волю дай не доезжая до Тевьги версты за две. Но если увидишь, что рвется сильно вперед, не держи. По бокам ногами не бей, не любит. Поводья держи крепче. Айда!

Кирик выехал из урочьца и, сдерживая плясавшего коня,

отстал от остальных. Чем дальше он отъезжал от стоянки Манжи тем спокойнее шел конь.

Часа через полтора, проехав шаткий мостик он оказался на Чуйской дороге.

Наездники выстраивались в ряд. На вороной кобылице Яжняя сидел какой-то незнакомый мальчик. Вячмяне Кара-Баарчык обратил сухой весь в яблоках красивый конь. „Должно Аргымая, видать не здешней породы“, — и посмотрев на пышно одетого наездника, перевел глаза на остальных. Справа, в ряду виднелся рыжий конь и он узнал Степанка. Тот разговаривал с мальчиком сидевшим на кауром коне. Кирик встал в ряд последним слева. Рядом горячилась кобылица темнокарей масти. На ней сидел племянник Манжи.

Какой то мужчина, хлопнув три раза в ладоши, подбросил шапку вверх. Коня рванулись. Первой выскочила на Теньгинскую дорогу я, набирая скорость, мчалась вороная кобылица Яжняя. За ней неся, раздувая ноздри и храпя, чужеземный конь Аргымая. За ним сдерживая лошадь, мчался Степанко. Голова в голову бежали темнокарея кобылица Манжи и каурый конь. Буланый сначала бежал неохотно и только на третьем километре перешёл на волчий скачки. Сидеть Кирику на нем было трудно. Кобылицы Яжняя было не видно, яблочный конь Аргымаи, рассекая воздух грудью, летел как сокол. На пятом километре буланый обогнал кобылицу Манжи и каурого. Впереди были трое. За поворотом Кирик заметил вороную Яжняя и Степанка. Рыжий конь дышал тяжело. Вскоре всадники сравнялись и неожиданно Кара-Баарчык почувствовал резкую боль в спине, Степанко ударил его нагайкой и крикнул злобно: „отстань камлицкая душа“. Кирик пригнулся к гриве коня. Нагайка просвистела еще раз и удар пришелся по голым плечам найденыша. Откинувшись на сиденье Кирик первый раз ударил буланого, тот затряснулся на месте и рыжий конь оказался впереди. Сзади послышался дробный стук копыт кобылицы Манжи и мимо Кирика промчался размахивая плетью племянник боя.

Буланый успокоился и ровным махом помчался вперед. До Степанка оставалось с полкилометра. Было заметно, что его конь начал сбавлять бег. Лошадь Кирика нагнала его на седьмом километре. Яблочного коня и вороной кобылицы было не видно.

„Не прийти мне первому“, — подумал он с печалью и, наклонившись к уху коня, прошептал:

— Вперед! — Буланый помчался и, чем дальше он бежал, тем быстрее был его ход.

По дороге показалась легкое облачко пыли. Через несколько минут Кирик увидел кобылицу Яжная, которая шла сзади коня Армыгая.

—Вперед!—ваклонив чуть голову к земле, конь Кара-Баарчыма полетел точно вихрь.

—Вперед!—Вороная Яжная косила кровавые глаза на бжавшего рядом с ней буланого не уступая дороги.

Показалась гора. За ней до Теньги осталось километра три. Буланый шел голова в голову с вороной красавицей. Сидевший на ней мальчик как бы слился с конем, бросая изредка косые взгляды на противника.

—Вперед!—Распластав пышный хвост по воздуху буланый опередил кобылицу и стал нагонять арабского коня.

Промелькнул кричавший что-то Янька и обогнув гору, лошадь Дьалтанбаса нагнала чужеземца. Изредка стали попадаться выехавшие на встречу всадники.

—Наш впереди! Гоня! Гоня!—донеслись возбужденные крики людей и мальчик как бы слился с конем в одно целое.

В нескольких метрах впереди буланого, чуть запрокинув голову, летел гордый арабский конь. Замелькали злыды Теньги и была уже видна сверкающая на солнце крыша дома Манжи.

—Вперед!—вытянув красивую шею, развевая по ветру пышную гриву, точно оторвавшись от земля, неся алтайский конь. Еще километр. Зоркие глаза Кара Баарчыка заметили толпу народа. Кто-то кричал, бросая шапки вверх, и более нетерпеливые Манжи и Аргымай выбегали на дорогу.

—Мой идет впереди, — довольный Аргымай потёр руки и улыбнулся исправивку. —Шесть тысяч золотом платил. Лошадь чистокровной арабской породы. Купил в Москве — Кайдалов с уважением посмотрел на миллионера, —табуны конь слегка хорош. —Взглянув еще раз на дорогу, Аргымай в изумлении округлил глаза. Буланый достиг яблочного. Заякаясь от охватившего волнения, богатч поднялся из за стола и как бы не веря глазам, спросил Манжи:—брат, чья впереди?

Манжи отвечать не пришлось. Нагнав арабского коня, Кирик в третий раз ударил буланого нагайкой, и выскочил вперед.

—Дорогу! Дорогу!— прозвенел его голос и толпа народа шарахнулась. По узкому людскому коридору бешено работая ногами первым промчался алтайский конь. За ним, рвущая бока, пролетел яблочный. И только у реки Кирику удалось сдержать лошадь и он в изнеможении свалился на руки Дьалтанбаса.

Кобылица Яжная пришла третьей, за ней каурый конь, затем оказался Степанко и Евстигней, подхватив под узды рыжего, отвел его в сторону. Дьалтанбас продолжал разводить потного коня не давая останавливаться.

—Тебя зовут к Мавжи вместе с мальчиком, — крикнул кто-то из толпы. Передвигая лошадь Яньке. Дьалтанбас подошел вместе с Кириком к столу. Лицо Манжи было сумрачно. Аргымай беспокойно ерзал на стуле, Кайдалов, заложив ногу в ногу, курил папироску.

—Что просишь мальчик?—спросил его Манжи.

Кирик посмотрел на Дьалтанбаса и, опустив голову, сказал тихо:

—Разрешите мне жить у мамы Степаниды.

Бросив окурок, исправник в недоумении посмотрел на мальчика.

—Не пойму.

Сняв шапку, Дьалтанбас сказал:

—Мальчик сирота. Жил на зимке Зотникова как найденный. Там его держали плохо и он убежал. Я нашел его зимой в тайге полузамерзшим. В Тюдрале есть русская семья бывшего зотниковского работника, Прокопия Кобякова. сам он сейчас на фронте. Его жена хорошая женщина и любила найденного, как сына. Вот он и присится к ней на житье.

—Как ты думаешь Манжи?—обратился исправник к Теньгивскому старшине.

—По книгам он приписан к Зотникову,—ответил тот.— Да вот в сам Евстигней —Манжи поманил его пальцем.

—Твой парнишко?—показывая на Кирика, спросил он.

—Да ты как сюда варник повал?—Вместо ответа спросил сердито Евстигней и сделал попытку взять его за руку.

—Не тронь!—заслонив за собой Кара-Баарчыка, Дьалтанбас отвел руку Евстигневя.

—Я уважаю ваш обычай, но—и щелкнув портсигаром, исправник поднялся из-за стола,—но я прежде всего за закон. Мальчик, принадлежит Зотникову и должен находиться у него, все,—кивнул он небрежно головой и закурил папиросу.

—Значит мне к маме Степаниде вельзя?—глаза Кирика

с мольбой уставился на Кайдалова.

—Нет,—ответил тот резко.

—И к дедушке Муидусу нельзя?

—Нет.

На глазах изденыша навернулись слезы.

—Где твои обещания Манжи?—обратился к баю Дьэлтанбас,—не ты ли сказал при народе, что тот, кто будет победителем в беге, дается все, что он попросит.

Манжи скривил рот и бросил коротко:

—Это не твоё дело.

—Из гнилого рта не жди добрых слов,—так говорит алтайская поговорка и она относится к тебе, жадный бай.

—Разбойник!—взвизгнув, Манжи занес руку над Дьэлтанбасом.

—Я не был разбойником—сказал с достоинством охотник, —но теперь, я им буду!—ударив подбежавшего к нему стражника. Дьэлтанбас свалил с ног Евстигня и бросился через толпу к реке.—Гам его ждал Янька.—Скажи Кираку, что я скоро вернусь.

Вскочив легко из коня, Дьэлтанбас помчался по дороге в Ело. Вслед ему пролетело два-три выстрела, но буланый со всадником были уже далеко. Поднявшись с земли, Зотников улепсая руками о стол.

—Фрол Кузьмич, надо парняшка посадить под замок, а то удерёт—видя, что Кирик, бьется в руках Чугунного, сказал он яростяву.—Поставь своего стражника, пускай покараулит до утра.

Кара-Баарчык был заперт на замок в старом айыле, где зимой жили телята.

К вечеру на стоянке Манжи было пьяно и шумно. Богатые гости пировали в доме старшины, пастухи и охотники развешивались по станицам и обсуждая байрам, ругали Манжу за обман. Наступал вечер. Сидевший у айыла, где был посажен Кирик стражник с завистью прислушивался к людским голосам, оравших песни. Ему хотелось выпить, но оставить пленника одного он не решался.

—Хотя бы шквалч достать. Сиди тут как дурак. Карауль какого-то цыпленка. Эй, мальчик,—завидев вертевшего недалеко от айыла Яньку, крикнул он ему.—Подойди-ка сюда.—Тот смело подошел в зов и остановился готовый дать стрелка.—Посиди здесь с полчаса, а я схожу к своим, горло промочить надо. Согласен?—Янька сделал вид, что на предложение стражника он идет неохотно.

—Только недолго, дяденька, а то меня тятка хватится.

—А чей ты?

—Еастигвев Зотников сын,—сдвинув картуз, ответил Янька.—А в доме шабко гуляюг. Водки уже мало осталось, продолжал он.

—Ну! Когда они успели в-члкать?—и стражник заторопился,—отцу я не скажу,—крикнул он на ходу.

Как только затихли шаги полицейского, Янька осторожно постучал в дверь.

—Кирик, Кирик, это я. Янька.

Было слышно как маленький арестант завозялся на подетялке и подошел к в-ходу.

—Ключ стражник взял с собой, выбраться через дверь тебе нельзя,—зашептал „карзульный“ в скважину.—Сейчас брошу веревку и ты по ней выберешься через дымоход. Только скорее,—погоронит он друга.

Сбежав за арканом, который был припрятан в кустат, мнимый караульщик привязал камень и забросив веревку на конус жилья, уперся ногами в основание.

Аркан натянулся „Значит Кирик вылезет,“ радостно подумал он и сильнее навалился на веревку. Внутри загремел адыс.

—Тише ты, леший, а то услышат,—сказал он тахо и сковел глаза на дом Манжи.

Из открытых окон неслись пьяные голоса гостей. Вскоре послышалась песня.

Хаз булат удалой
бедна сакля твоя...

По дороге замелькала фигура пьяного полицейского. Янька стал торопить Кирика:

—Лезь скорее!—неожиданно аркан в его руках ослаб, и ективились в низ, Кирик оказался возле друга.

—Беги в кусты к реке и жди у шумов.

Кара Бзарчык, схватив аркан, метнулся с ним от айыла. Янька возвратился на свое прежнее место у дверей.

Спотыкаясь и еле держась на ногах, подошел пьяный стражник, уперся руками о стенку айыла.

—Карвулишь?—спросил он Яньку.

—Караую —сдерживзя смех, ответил тот.

Полицейский ощущав замок, махнул рукой: —Марш домой.

Мальчик юркнул в кусты. „До утра не хватятся,“ —мелькнуло у него в голове. И розыскав приятеля, направились по Усть-Канской дороге. Утро застало ребят на Ябаганском шеревале. Отдохнув беглецы окольным путем стали приближаться к Ярголу.

Прошло несколько дней. Из урочище Мендур-Сокоп из-пала вооруженная охрана Маяжа.

Налетчики избили Мундуса, слепого Барамаю, Амата и горбатого Кичивея. Разгромили несколько айылов. Перешагивая все постройки, но Дьалтанбаса не нашли. Руководил набегом Тужелей. Размахивая нагайкой над лежащим возле разрушенного айыла Мундусом он орал: где твой разбойник!

— Не он разбойник, а ты, — приподнимаясь на локте, твердо отвечал старик, — вы граба... — резкий удар нагайки прервал слова и вскрикнув от боли, Мундус припал к земле. Разгром Меядур-Сокона продолжался несколько часов. Тот, кто остался цел убежал в тайгу. Бавда Манжи, вскочив на копей, умчалась обратно. В тот вечер над урочищем долго стоял крик: „кокий-корон! Кокий корон,“ и казалось, что тайга и горы вторили людской полный печали звук.

В октябре в Усть-Канском аймаке появилась сооруженная группа людей. Скривались они в глухой тайге, вдали от проезжих дорог.

Защитка Зотникова охранялась стражниками. Евстигней Тихонович ездил по делам под охраной Чугунного. У кривого Яжнай неизвестные люди угнали косяк лошадей и байтак и не мог добиться толку от своего пастуха.

— Не знаю кто, была ночь, лаяли собаки, кричали люди, кто был, не знаю, — разводил он руками.

— А ты где проадал?

— В айыле. Хотел выйти, но дверь оказалась приперта с наружи колом, утром смотрю, лошадей нет.

Яжнай выругался и поехал в Онгудаи к Огаркову.

Пристав встретил его дружелюбно

— Слышал, слышал. Принимаю меры. По слухом, часть лошадей обнаружена в Удзгане у пастухов. Для проверки направил урядника.

Яжнай продолжал жаловаться.

— Говорят, что этих разбойников больше двадцати человек. Бедноту не трогуют, угоwiają моих лошадей да Манжи и Зотникова. Евстигней не был? — спросил он пристава.

— Был, недавно говорил, что лошадь с его тавром он видел у Амата.

Яжнай вздрогнул.

— Аमत говорит, что его ковь, от природной кобылицы. Соседи подтверждают, показывала примету, и признаться не пойму, в чем тут дело? — пожал плечами пристав, — вообще идет какая то чехарда, — махнул он рукой.

Шел 1917 год. По горам Алтая пронесся табыш. Русский царь отрекся от престола. От аймака в аймак в стойбище бедных людей летела радостная весть.

Манжи вызвали в Бийск. С ним уехал встревоженный Зотников. Кривой Яжнай носился на коне от Килея до Усть-Кана. Дела были плохи. Табунщики и пастухи встречали хозяина угрюмо и богатый Яжнай чувствовал, что почва уходит у него из под ног.

Зотников вернулся из города хмурый.

— Плохи, Иван, дела. Его императорское величество оставил нас. Говорят, что в Москве и Петербурге рабочие бунтуют. Солдаты не хотят воевать. Слышал, что будет созвано учредительное собрание, которое определит судьбу России. И еще слышал, — широкая богота Евстигнея приблизилась к уху Чугуниного — будто появились какие-то большевики, сила у них огромная. На страже нам надо быть. — закончил хозяин.

По стойбищам ползли слухи, Манжи был в Улале. Кузнец Тобоков, Коршунов и Даточкин вместе с доктором Петровым организуют Управу. Бедноту к новой власти не допускают. Тайга насторожилась. Яньха с Кириком проводили как и прежде это лето в Яргольском ущелье: С ними был неразлучный Тарзан.

Однажды ребята забрели далеко от избушки. Стоял жаркий полдень. Спустившись из километр ниже от места, где они встретили в прошлом году конокрадов и спасли лошадей от тавра, они неожиданно наткнулись на лежащего в густой траве незнакомого человека. Ребята может быть и не заметили бы его, если бы их не остановил призывный лай Тарзана. Собака лаяла с короткими перерывами. В ее голосе слышалось что-то тревожное. Мальчики осторожно выглянули из своего прикрытия. На прибережной поляне, сплошь заросшей цветами и буйными травами, раскинув руки, лежал незнакомец, недалеко виднелась матросская бескозырка и ее черные ленты, как две змейки, прятались в пышной растительности. Человек лежал не двигаясь. Его тельняжка была порвана во многих местах и лимонно-желтое лицо казалось безжизненным.

Тарзан нетерпеливо повизгивал и не мог сидеть спокойно. Взявшись за руку, готовые бежать при первом движении незнакомца, ребята подошли к лежащему. Его глаза были закрыты и только дрожание ресниц говорило, что он был еще жив.

Рядом волялся короткий карабин, затвор которого был открыт.

— Не здешний, — прошептал Янька Кирыку. Тот молча кивнул головой.

— Что будем делать?

— Сбегай за водой. Может оживет. — Распорядился Янька.

Содрав с дерева бересту, Кирык сделал из нее стаканчик и спустился к речке.

Приподняв голову матроса, Янька заметил на его голове сгусток крови.

— Равен, давай лей.

Плотно сжатые губы незнакомца не открывалась, но видимо освежающая вода, сбегавшая с давно небритого подбородка на грудь, оказала свое благотворное действие и приоткрыв глаза, он прошептал слабо:

— Пить.

К вечеру, с помощью ребят, матрос добрался до охотничьей избушки и повалился на нары.

Ночью незнакомец начал бредить.

— Приготовиться! — неожиданно закричал он, — по правому флангу конных фараонов, огонь! Огонь! Солдаты с нами! На баррикады! Да здравствует власть Советов! — вскопчил на ноги, матрос уставив полубезумные глаза на прижавшихся в угол испуганных ребят. Потом закачался и упал на нары — Пить, — прошептал он вялито. Успокоившись, он заговорил глухо: — дети, не бойтесь меня, не бойтесь, милые вы мои — сдерживая охватившее его волнение, матрос продолжал: — не бойтесь капитана Балтийского флота Ивана Печерского. Как дикий зверь без пищи много дней бродил я по тайге. А тут еще проклятая болезнь замучила.

Перед утром матрос заснул крепким сном. Ребята вышли из избы.

— Должно в голову ранен? Видел как схватился за нее ночью? — сказал Янька другу.

— Вянтровку надо спрятать. Надо Дьялтанбаса позвать.

— Ладно, ты, Кирык, беги, а я пока побуду здесь, — распорядился Янька и вернувшись к живлю, припал к дверной скамьяне.

Иван Печерский сидел на нарах прислонившись к стене. Его желтое лицо с полузакрытыми глазами походило на гипсовую маску, чем на лицо живого человека.

— Революция будет жить, — сказал он громко и провел рукой по спутанным волосам. — Нащупав коросту на ране матрос вздохнул. — Промить бы надо. Но где?

Янька тихо открыл дверь и вошел в избу.

-- Дьленька, знаешь что я думаю.

-- Что?

-- Вымататься бы горячей водой тебе надо.

-- А где ее взять?

-- У нас есть казан, я жею кипячу, — заторопился Янька, — а ты пока отдыхай.

-- Хорошо, сынок, — матрос покорно улегся на парак.

Через час он сидел за чайняком и говорил полусхутия своему молодому собеседнику:

-- Устроил ты мне, Яша, баню не плохую, а вот скоро будет в тайге такая баня богачам, что нагишом позывекакивают в лес. Где у тебя отец? — неожиданно спросил он его.

-- На фронте.

-- Скоро придет, — тряхнул коловой матрос -- Явится, — хлопал он Яньку по плечу.

Наступал вечер. В лесу по тропинке послышался топот коня. Печерский схватил лежавший на парах карабин и пошел к дверям.

-- Не стреляй. Это Дьалтанбас, хозяин избушки, — в мальчик отвел дуло ружье от дверей.

-- Кто он такой?

-- Охотник.

-- Хорошо, — матрос поставил карабин в угол и вышел.

Вскоре показался Дьалтанбас, за его спиной сидел улыбающийся Кирик. Гарзан вертелся у ног лошади, весело подвизывая.

Охотник соскочил с коня и, привязав его к лямбенику, смело подошел к Печерскому.

-- Эзев!

Матрос протянул руку.

-- Здравствуй.

Разговор между мужчинами сначала не клеился. Осторожный Дьалтанбас смотрел на матроса недоверчиво. И пока ребята кипятили чайник, они разговорились.

-- История моя коротка. Штаб революционной Армии направил меня как сибиряка в Кузнецк. Там я организовал отряд красногвардейцев и вел бой с томскими казаками. Во время схватки был ранен в голову и несколько дней скрывался на окраине города. Вскоре в Кузнецк прибыл полк казачьего атамана Серебрянникова и нам пришлось уйти в подполье. Так прошло недели две. Белая моль кружилась над городом. Аресты не прекращались. Подпольный комитет решил направить меня для связи с бийскими большевиками. Из Бийска я хотел пробраться в Барнаул, где наша

организация была сильнее. — Помолчав, матрос продолжал: — Захватив с собой карабин и часть продуктов, я вышел из Кузнецка ночью. Со мной была карта и компас. Сначала я хотел идти от Аба-Тура из село Енисейское, но дорогой узнал, что чарышские казаки под командой атамана Дукешевича выставили вооруженные кардонны по всей линии. Мне пришлось повернуть в тайгу. Перевалив Темир-Туу, я стал переправляться через бурную речку, названия которой я не знаю. Это было в мае. При переправе компас потерялся и карта стала уже не нужна. Я заблудился. Брел по тайге не зная куда. Недели две жил охотой. Потом патроны вышли. К голоду прибавилась старая болезнь — лихорадка. Обессиленный я свалился одиозиты в незнакомое ущелье, но выбраться из него уже не мог. — Печерский вздохнул. — Не помню сколько дней пролежал, спасли вот эти юнцы. — Глаза матроса ласково посмотрели на Кирика и Яньку.

— Ты за бедноту? — Дьалтанбас в упор посмотрел на матроса.

— Да, я большевик.

— Я не знаю это слово, — признался охотник.

Матрос подвинулся к нему ближе и закуряв, продолжал:

— Большевики борются за отмену помещичьей собственности на землю.

— А кто такие помещики? — спросил Дьалтанбас. Ребята подвинулись ближе и с интересом слушали Печерского.

— Помещики это богатые русские земщики.

Охотник прагнул один палец:

— У нас есть такой — Зотников. Помещики это те же зайцаны и бэй — два пальца Дьалтанбаса прижались к третьему — Майжи и Яжвай — взглянул он на ребят.

— Большевики борются, — продолжал Печерский, — за отмену собственности на землю монастырей, их земли передаются трудовому народу безвозмездно.

— Челушманский и Улзлянский монастыри, — я остальные два пальца Дьалтанбаса сложились в кулак.

— Все недра земля, леса и воды переходят в собственность трудового народа — продолжал матрос:

Дьалтанбас поднялся из ноги.

— Значит все это будет принадлежать нам? — его рука обвела кругу, — эта тайга эти горы, пастбища, байские коня, зимки все будет наше? — Глаза охотника заблестали.

— Да, — коротко ответил матрос.

— Тогда я большевик, — с чувством произнес Дьалтанбас.

— И мы! — Кирик и Янька вскочили на ноги.

На лице Печерского появилась улыбка.

— Вы еще малы.

— А нельзя нас назвать молодыми большевиками? — спросил Янька.

— Можно, если вы докажете это на деле.

В тот месяц, события разворачивались с необычайной быстротой. В ущелье Яргола появились вооруженные люди. Из Меандур-Сокона захватив с собой отцовские мылтыки, старые берданки, ушли в горы Амаз, горбатый Кичиней, Дьалакай и старый Амыр. Из Усть-Кама в отряд Дьалтанбаса пришел пастух Амадак и еще двое алтайцев. Не дремал и Манжи. В Теньге и Онгуде под командой Огаркова и Тужелея были организованы отряды белогвардейцев. Евстигней Зотников обнес звонку высоким часоколом и в помощь Чугунному принял трех беспаспортных бродяг.

— Документы мне вша, ребята, не нужны. А ежели нагрянет пристав со стражниками укрою. Работы будет легкой, лежи и карауль козьяское добро.

— От кого караулить то? — прогудел один из них, детина огромного роста, одетый в грязный ватник. Безцветные глаза бродяги с вывернутыми красными веками как у трахомного уставились на Евстигнея.

— От кого караулить? — повторил он вопрос. — От недобрых людей. — брови Зотникова сдвинулись. — от тех, кто идет против царя батюшки.

— Да ведь его-то нет, — ухмыльнулся бродяга.

— Есть! — резко сказал Евстигней. — Есть царь всея руси Мяхил, брат Николая.

Бродяга хрипло рассмеялся захвизав рот, пахнувшей чесноком и водкой, подвинулся к Зотникову.

— С новоявленным императором вас! Нельзя на козусечку?

Зотников сунул руку в карман и вынул блестящий Смит-Вессон.

— Ежели еще одно слово молвишь про царя, голову снесу! — сказал он свирепо.

— Но, но, не пугай, — остальные босяки подвинулись к Евстигнею, — не таких видала.

Зотников быстро окинул взглядом широкий двор. Чугунного не было. Отступать было нельзя. Заложив револьвер за спину, он шагнул к ближнему бродяге.

— Вот тебе, Сзватюшко, на первый случай, — и размахнувшись, ударил его рукояткой пистолета. Бродяга упал.

— Вот язви тебя, — обложив хозяина ласково грязной рукавью, остальные с восхищением посмотрели на Евстигнея. — В атаманы бы тебя, Евстигней Тяхонович, шибко ты смел. В убивцы годишься. Мы бы с тобой не пропали. — Хихик-

нул один из вих. Савватейко точно побитый пёс поднялся с земли и протянул руку хозяину.

— Дай на косушку. Орел ты, Евстыгней.

— Да и вы вижу не курицы, — усмехнулся заищик.

Через час, пьяный Савватейко жаловался своим друзьям:

— Одолея нас Евстыгней. Думал подытится, а он на-ко, хлоп тебя, хорошо, что по голове не ударил.

— А жаль, надо бы из тебя мозги вытрясти, — заметил сидевший в кругу бродяг Чугунный.

— Иван Евсеевич, дружба, да я в Костроме целую семью вырезал, рука не дрогнула, а на Евстыгнейя топор мне не поднять. — Оловянные глаза пропойцы не мигая уставились в одну точку. — Теперь скажи Евстыгней: — Савватейко, лезь в огонь, полезу, зарежь мать, зарежу.

— Да у тебя и мафера-то не было, — прогоготал Чугунный.

— Нет была! — что-то разумное появилось на миг на отудловатом лице бродяги и Савватейко вскочил на ноги. — Была! — вырвался у него стонущий крик. — Была! — крикнул он еще раз и ошустившись на землю, заговорил глухо: — Послушайте мой сказ. Наша деревня стояла на берегу Оки. Кругом простор. Выйдешь бывало вечером на берег с парнями и девушками, залюбуешься красавицей рекой. За ней шти пашни и леса. Принадлежали они барину из поляков Андрею Грабовскому. Его дом стоял на взгорье, недалеко от нашего села. На зиму мы ходили с отцом плотничать в город. Семья большая, хлеба не хватало. К весне возвращались домой. Была у нас полоска земли, которая примыкала к полям Грабовского. Видно мало ему показалось своей, и не спросив нас, он засеял отцовскую полосу. Старик к барину, тот его выгнал, старик в город к судье, там только посмеялся. Пришел он домой, сел на завалинку и заплакал. Я говорю: — тятя, не плачь, пойду искать правды.

— И изшел? — перебил его один из слушателей.

— А ты не смейся, — лицо Савватейки передернулось, — вышел. Выбрал ночь потемнее, взял топор, перемахнул забор и влез в дом Грабовского через окно. Барин спал. Хватил его топором по голове и тягу. Поймали меня верст за сто от села. Приговор: в Сибирь на каторгу. Копал канавы на вонючих болотах, не вытерпел и бежал. Поймали в в кандалы. Пять лет звенел ими на Анжерских копях, а на шестой год скрылся. Шатался по Кузнецкой тайге, дошел до рек Мрассы и увидел богатое село. Просил хлеба, не дали, очерствело сердце, вырезал семью и опять к зеленому прокурору, в тайгу — окончив рассказ Савватейко повесил голову.

— На выпей, поди душа горит, — протягивая недопитую бутылку произнес одва из бродяг.

— Горит братцы, — дробно стуча зубами о горлышко посуды, Савватейко выпил содержимое и повеселев, отбросил бутылку в сторону.

— Ложки, братцы! — Бродяги вынули из своих олуц почерневшие от грязи ложки и тишину зотниковского двора, отпустил их чзстая дробь.

Чугунный вскочил на ноги.

— Ух! — ходи изба, ходи печь,
хозяину негде лечь.

Гуляйка продолжалась до утра. Над тайгой поднялось солнце. Осветило пышные кроны деревьев, повграло зайчишками на окнах зотниковского дома и медленно стало сползать на двор. Увидев с крыльца мертвецки пьяных караульщиков, Евстигней выругался и подойдя к Савватейко внул его ногой. Бродяга приоткрыл олухший глаз, но не поднимался. Получив второй, более сильный удар сапогом, Савватейко вскочил и дыша винным перегаром в лицо хозяину, спросил хрипло:

— Чего тебе?

— Поедешь сегодня со мной в Тюдралу.

Савватейко зевнул так громко, что сидевшие воробьи на крыше избы с испугом поднялись в воздух и опустившись на частокол, начали ругать нарушителя на своем бойком языке.

— Понял, что сказал?

— От чего не понять, понял, — пробурчал тот угрюмо и затопал за хозяином к конюшне.

Через час Евстигней Тихонович вместе с новым телохранителем выехал на Тюдралинскую дорогу.

Проехав с полкилометра, он заметил впереди шзгавшего в солдатской шинели человека. Забросив котомку за спину, тот шел торопливо и оглянулся только на стук копыт. Всадники приближались.

— Эй, служивый, дорогу. — Солдат встал на обочину и Зотников узнал в нем своего бывшего работника Прокопия Кобыкова.

Првдержав коня, Евстигней приподнял картуз.

— Мое вам почтение.

— Здравствуйте, — сухо ответил тот и стал дожидаться, когда Зотников проедет вперед.

— Домой идешь?

— Да, — коротко бросил тот и отвернулся от бывшего хозяина.

— А как же с войной до победного конца? — натягивая поводя топтавшегося на месте коня, спросил он солдата.

— Пускай воюют те, кому этот конец нужен.

— А тебе разве не нужен?

— Нет, — ответил через плечо Прокопий, — проезжайте, пеший конному не товарищ. да и я тороплюсь, — повернув давно не бритое лицо к Евстигнееву, солдат отступил от дороги.

Евстигней подправил картуз и кивнул головой Прокопию, поехал быстрее.

— Эй, ты, окопная крыса, посторонись, — в отставший от Евстигнея, Савватейко чуть не наехал на солдата.

— А ты, гад, ослеп что-ли? Мало тебе дороги, — схватив палку, Прокопий ударил его коня. Лошадь рванула, Савватейко чуть не слетел с седла и ругаясь стал догонять хозяина.

— Кто такой? — спросил он его.

— Мой бывший работник. Возвращается с фронта домой. По лицу вижу, что большевик.

— Дать ему встряску? — бродяга придержал коня.

— Сейчас же стоит. Посмотрю, что из него будет дальше, — махнул рукой Зотвиков.

Прокопий шел торопливо и когда на солнце блеснул позолоченный крест тюдралинской церкви, солдат заволновался.

— Здорова ли семья.

К вечеру в избу Прокопия пришла односельчане, фронтовики Степан Савиных, плотник Федор Овечьев и Зяблицкий Сергей.

До полночи горела лампа в избе на краю села и, когда серый рассвет пал на землю и на востоке задела яркая полоска света, охватывая все шире и шире небосклон, гости Прокопия стали расходиться по домам.

На следующий день в Тюдралу из Яргола пришел матрос. Шел он по улице твердым размашистым шагом, придерживая дуло карабина, лежавшее на плече. Рядом с ним шагали ребята, с гордостью поглядывая на крепкую фигуру балтийца. Поодаль, обнюхивая заборы, бежал Тарзан.

— Показывай свою хату, — сказал матрос Яньке и тот помчался вперед. Вскоре Печерский подошел к избе Прокопия и окинув взглядом заречье, где ютились алтайские айчлы, постучал в дверь. На стук вышла Степанида. Взглянув с удивлением на Кара-Баарчыка, на голове которого

была одета матросская бескозырка, она улыбнулась незна-
комцу.

— Будущий моряк Балтийского флота, — кивнул матрос
в сторону Кырька и вошел в избу.

Прокопий явился под вечер. Поцеловал ребят и освободившись от их объятий, он протянул руку к Печерскому.

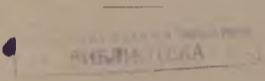
— Слышал о тебе, слышал, — сказал тот радостно и
семья с гостем уселись за стол.

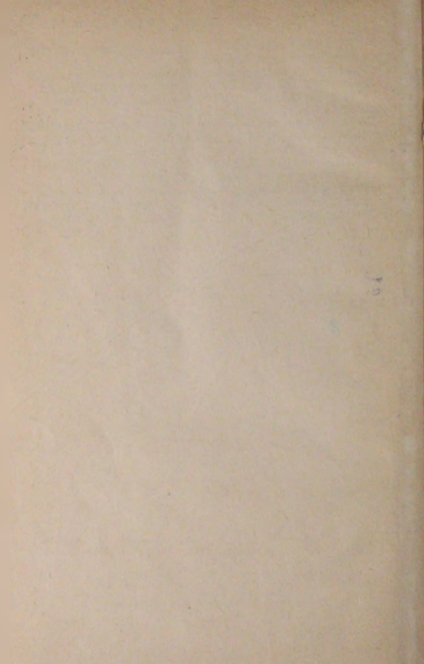
На следующая девь приехал Дьалтанбас с Усть-Кавским
пастухом Алмадаком. Пришли фронтовики. В избе стало
весно. Говорил матрос:

— Наша задача сейчас состоит в том, чтобы захватить
власть в свои руки. Надо созывать народ.

Через час над Тюдралой зазвучал тревожный набат. Зву-
ки меди медленно разливались над тайгой, урочищами,
вылази, пробуждая в людях веру в светлое будущее.

79499

Ответственный редактор . Н. ЯЛБАЧОВ.
Технический редактор С. А. СУРДЗАКОВ.

АН 45258 Сдано в набор 10/X—1948 г. Подписано к печати 20/X—48 г.
ф. б. 60X84 Объем 4 и л. тираж 5000 экз. Заказ № 1.65

г. Горно-Алтайск типография облшколазема

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. предыл. выдоч _____

Цена 1 р. 75 к.